

Колдовские

Миры

ПРИНЦ И ВИСКИ

ВАРЯ МЕДНАЯ

Annotation

«Даже из-под земли себе парня достану!» — решила я, получив отставку от первого жениха Мистиктауна, бросившего меня прямо накануне Осеннего бала. Подумаешь, имя у меня странное, бабушка — ведьма, ноги не от ушей, а обычные и в полосатых чулках. Зато кавалер на празднике будет самый лучший! Не просто лучший — настоящий принц. Храбрец. Фантастический красавец. Ну и что, что он спит под заклятием... последние шестьсот лет. Разбужу. Ведьма я или нет, в конце концов?! Ух, уже представляю себе лица городских сплетников и моего бывшего, когда заявлюсь на бал под руку с легендарным героем древности!

Вот только легенды почему-то не предупреждали, что есть принцы, которых лучше не будить...

Варя Медная Принц и Виски

© Медная В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Моей маме Эльмире и бабушке Неониле — двум самым сильным женщинам из всех, кого я знаю. Порой мне кажется, что вы родом из Мистиктауна!

«Достойного принца в наши дни не так-то просто откопать», — любит повторять моя бабуля, и она чертовски права! Я уже полночи рою, а впереди ещё не меньше двух футов земли.

Устало откинув волосы со лба, я поправила часы, сложила руки на черенке лопаты и подняла лицо к небу, где висела яркая крупная луна в окружении веснушек звёзд. Сладко пели ночные птицы, ветерок доносил аромат мелиссы и шалфея... А я стояла на старом сельском кладбище, по пояс в земле, и откапывала принца, которому, по слухам, шесть сотен лет.

Во всём виноват Арий Лоск. Если бы не он, мне бы и в голову не пришло ничего подобного.

— Мы ведь оба с самого начала знали, что долго это не продлится, — небрежно заметил он во время нашего последнего разговора, поглядывая через плечо на столик, за которым сидели его дружки — самые популярные парни Мистиктауна.

— Знали? — дрожащим голосом переспросила я, всеми силами стараясь не выронить поднос с уткой по-пекински и печёной фасолью. В тот день была среда, и я работала в «Весёлом вороне» во вторую смену.

Он положил руку мне на плечо и наклонился вперёд, отчего волнистая прядка упала на лоб, сделав его до боли похожим на белокурого Джеймса Дина^[1].

— У тебя имя странное и сумасшедшая бабка, — пояснил он.

— Ты бросаешь меня из-за бабули? — не могла поверить я.

— А ещё фриковые чулки.

Я опустила глаза на чередующиеся сиреневые и розовые колечки. Наверное, я первая девушка в истории, которую бросили из-за расцветки чулок.

— И так во всём, Виски. Так что для тебя это не могло стать неожиданностью.

Вот тут Арий ошибался. Ещё как стало! Я искренне верила, что у нас всё всерьёз и навек. Даже на яблоне в саду вырезала наши имена, а когда он спал, рисовала гелевой ручкой признания на тыльной стороне ладони.

В мою жизнь Арий ворвался этим летом. Он вбежал в наш паб, прикрываясь курткой от дождя, и, хотя тринадцатый столик был закреплён за Марикой, я подошла принять заказ, волнуясь, как школьница на рок-концерте, приглашённая в VIP-зону к кумиру. И в тот миг, когда он поднял голову и с улыбкой ткнул в апельсиновый пунш, я уже придумала имена нашим детям и даже кличку золотистому ретриверу, который у нас будет. Всем порядочным парам положен питомец, как в рекламе собачьих шампуней.

Целых два летних месяца безоблачного счастья, после которых он заявляет, что никогда не воспринимал меня всерьёз. А я ведь не сомневалась, что на Осенний бал мы пойдём вместе. Даже выкройки с чердака принесла, озаботившись фасоном платья...

Посетители паба привычно гудели. Я опустила голову, смаргивая слёзы и стараясь взять себя в руки, и тут к нам подошли туфли. Понять, кто в них, не составляло труда: во всём городе только Регина Санкёр могла носить лабутены на алмазной шпильке.

Я заскользила взглядом выше, туда, где начинались идеальные ноги, а они всё не кончались и не кончались. В отношении Регины выражение «ноги от ушей» вовсе не фигуральное. Говорят, она застраховала их на неприличную сумму, а ещё её приглашают

сниматься в рекламе. Естественно, не в шерстяных полосатых чулках.

Раздался звук поцелуя.

— Ты уже ей сказал, пупсик?

Я окончательно подняла глаза как раз в тот момент, когда пухлые губы Регины отлепились от щеки Ария, оставив на ней смачный след помады. Похоже, её поцелуи обладают какой-то мистической силой, вроде как высасывают мозг у парней, потому что вид у него стал совсем ошалелый.

— Да, — пробормотал он, глядя на неё, как я на пирожные после шести.

— Вот и чудно. — Она смерила меня пренебрежительным взглядом и направилась к столику, где сидели друзья Ария, на ходу бросив: — Добавь к заказу воду без газа и отварную спаржу.

В общем, тот день явно не войдёт в число приятных воспоминаний, которые я буду перебирать в памяти на склоне лет.

А вчера, возвращаясь после дневной смены, я заметила Регину в витрине «Звёздного шлейфа» примеряющей платье с открытой спиной. Чтобы купить такое, мне пришлось бы копить ещё полжизни, ну или продать почку. Весь город уже знал, что на Осенний бал Регина Санкёр и Арий Лоск идут вместе. Господин Улаф, хозяин «Весёлого ворона», даже выходной мне по этому случаю предложил, хотя не проявил такого понимания, когда моих родителей, ехавших с очередного сборища детей природы, унесло ураганом вместе со стареньким минивэном и мы с бабулей окончательно остались одни.

Это стало последней каплей.

Я привыкла, что на меня косятся и считают странной, но жалости не потерплю!

Если вы знаете лучший способ продемонстрировать всему городу, что меня ничуть не задело расставание с Арием Лоском, кроме как заявиться на бал под руку с настоящим принцем, готова его выслушать.

Я вдохнула поглубже, отогнала воспоминания и всадила лопату в землю. Ещё немного усилий, и раздался глухой стук. Откинув инструмент, я опустила на колени и разгребла ладонями оставшийся слой.

Гроб принца украшал помпезный барельеф: чёрный шакал с серебряными крыльями повергал врагов мощным ударом лапы. Внизу корчились маленькие рыцари, один болтался в зубах, перекушенный пополам. Глаза шакала были выложены рубинами, а по периметру крышки бежала надпись, слишком старая и витиеватая, чтобы я могла её прочесть. Наверняка что-то про доблесть и отвагу того, кто упокоился внутри. Сбоку тускло поблёскивали замки.

Я снова взяла лопату и несколькими ударами сбила их. Когда отскочил последний, глаза шакала на миг вспыхнули алым.

Прежде чем приподнять крышку, я помедлила, собираясь с духом. Сами понимаете, момент ответственный: во-первых, принц мог оказаться не заколдованным, как принято считать, а самым обыкновенным, и тогда внутри меня ждёт горка костей и сгнившие тряпки. Во-вторых, не факт, что я сумею его разбудить, даже если он под действием чар. Ну и, наконец, самая важная причина: а вдруг легенды бесстыдно врут, как это принято у легенд, и покровитель города окажется лысым подслеповатым заморышем на две головы ниже меня? С таким трудновато будет кому-то что-то доказать на балу.

Но пути назад нет, поэтому я упёрлась острым краем лопаты, поднатужилась и откинула крышку. Из глубины поднялось облако мельчайших частичек, заставив меня закашляться. Я

замахала рукой, разгоняя его. Наконец завеса рассеялась, явив взору лежащего внутри.

На атласной обивке покоился юноша в старинном бархатном дублете. Немного неожиданной стала поза: руки не скрещены на груди, а выставлены вперёд, пальцы скрючены, словно он скрёб крышку изнутри. Это ж в какой момент человека должно прихватить заклятие, чтобы он так выглядел?

В остальном легенды не ввали: принц был душераздирающе красив (ну, или мне так показалось после опасений увидеть хилого старого хрыча). В общем, он был именно таким, каким и полагается быть принцам: загадочен, молод, на вид лет двадцати с небольшим — то есть чуть постарше меня, — а бледное лицо в обрамлении чёрных кудрей и сжатый в полосу рот с трагической складкой в уголке придавали ему сходство с морфинистами Викторианской эпохи. Вот только скулы неожиданно острые, смотрятся угрожающе. Но оно и понятно: не есть и не пить шесть веков!

Этот момент я предусмотрела, поэтомухватила из дома кусок лимонного пирога, пару яблок, сэндвич и колу — всё осталось в наплечной сумке на ограде. На тот случай, если оживший принц вздумает заpastь не на меня, а на Регину Санкёр, как все остальные парни в городе, я подмешала ему в газировку порошок из десяти листков болиголова.

Возле его головы белели косточки на кучке кольчужной трухи — видимо, того самого ворона Морока, верного сподвижника принца из легенды про основание города.

Я пригладила волосы, отряхнула платье и порылась в кармане в поисках бумажки с заклинанием. Вообще-то никакого официального способа снять чары не существовало. Это мы с Неттой выяснили, когда обеим было по тринадцать: стояло лето и несусветная жара, а список чтения по литературе грозил вызвать приступ нарколепсии. Поэтому вместо изучения классиков мы прочесали сверху донизу городскую библиотеку (кроме закрытого архива), ища способ оживить красавчика, но так ничего и не нашли. В итоге придумали собственное заклинание, взяв за основу строку из сборника фольклора и добавив кое-что от себя. Как назло, на выходе из библиотеки столкнулись с Региной и её подружками-фуриями. Она вырвала из рук листок с «магической формулой», прочла его вслух манерно-насмешливым тоном под хихиканье своих подлиз и жеманно чмокнула. Настроение оказалось испорчено, и с тех пор мы с Неттой о принце не вспоминали.

Эту-то бумажку, завалившуюся по чистой случайности в нижнем ящике комода, я и прихватила с собой, надеясь на удачу и пресловутый семейный дар. Многие в городе считают нас, Финварра, ведьмами. Чушь, конечно: будь я ведьмой, очутилась бы в такой ситуации?

Я прочистила горло и, стараясь, чтобы голос звучал торжественно, но при этом кокетливо, прочла:

*Ещё не день, ибо светит луна,
Приди же ко мне тропюю, что сокрыта днём,
Сим поцелуем я пробуждаю тебя, принц Варлог.*

Закончив, сложила бумажку, убрала, наклонилась и поцеловала его. Губы принца оказались твёрдыми, как мрамор, и такими же холодными. Я отстранилась, посмотрела на неподвижное лицо, кашлянула и на всякий случай поцеловала ещё раз. Ну ладно, я поцеловала его раз десять.

Ноль эффекта.

Едва не застонав от разочарования, поднялась с колен и ухватила за край ямы.

Закинула ногу, кряхтя подтянулась, кое-как выбралась наверх и направилась к сумке. Порывшись внутри, достала сэндвич с колодой и устроилась на одном из надгробий. Итого вместо одной проблемы теперь две: придётся ещё и закапывать принца — не оставлять же захоронение в таком виде.

Я вгрызлась в бутерброд.

Может, стоило спеть ему? Бабуля как-то сказала, что моё пение в душе по утрам поднимет даже мёртвого. А ведь какой хороший был план! Жаль, ничего не вышло...

В траве рядом что-то зашуршало, и оттуда высунулась остренькая мордочка белки. У нас в Мистиктауне они странноватые, больше похожи на крыс, а не тех забавных пушистых зверьков, которыми пестрят иллюстрации в книгах.

Я отломил кусочек бутерброда и протянула ей. Белка схватила угощение и, пристроившись рядом, принялась жадно наворачивать за обе щеки. Я последовала её примеру. Провальный план отнял массу сил, а на работу мне в первую смену.

Внезапно на освещённый луной участок передо мной упала тень. Прямо за спиной стоял кто-то высокий, худой и с развевающимися кудрями.

Я медленно повернулась и выронила бутерброд, чувствуя, как к нижней губе прилип листик салата.

Там стоял принц, а над плечом у него бил костяными крыльями скелет ворона с пылающими алым глазницами. Когда я повернулась, оживший поднял голову, и очи вспыхнули, как два лунных омота. Скулы ещё больше заострились, верхняя губа вздыбилась, да и вся поза, напряжённая, с разведёнными локтями, больше напоминала звериную, чем человеческую.

Наконец опомнившись, я трясущимися руками потянулась к сумке.

— Доброе утро... то есть ночь, ваше высочество. С пробуждением! Наверное, голодны? Я тут захватила перекусить: не бог весть что, но лучших пирогов, чем у моей бабули, вам во всём городе не сыскать.

Принц по-птичьи наклонил голову к плечу, шумно втянул носом воздух и вдруг одним ударом пригвоздил белку к постаменту, сгрёб тушку и вгрызся в неё. Раздался хруст и возмущённый писк жертвы, не успевшей доесть свой последний в жизни сэндвич. Челюсти сомкнулись ещё раз, и он оборвался.

Принц отшвырнул зверька и выпрямился.

Глаза заволкло багрово-чёрным туманом. Он улыбнулся мне полным шерсти и крови ртом, и во взгляде завихрилось скопившееся за шесть веков безумие.

«Перцовый баллончик!» — мелькнула мысль. Бабушка подарила мне его на семнадцатилетие. Я продолжила судорожно шарить в сумке, лепеча что-то про пироги, Осенний бал и лабутены Регины Санкёр.

Внезапно с дороги раздался громкий сигнал и визг шин. Какой-то припозднившийся автолюбитель встретил лося или другого припозднившегося автолюбителя. Я на миг отвернулась, а когда снова посмотрела на прежнее место, принца уже не было, ворон тоже исчез. Только ветви боярышника тихонько покачивались.

Я поднялась и повернулась кругом, растерянно оглядывая пустое кладбище.

Кажется, в таких случаях принято говорить «ой»...

Глава 1

Я несколько раз обошла территорию кладбища, выкликая имя принца, но он так и не отозвался. Если бы не разворошённое захоронение и пустое ложе с вмятиной, решила бы, что мне всё примерещилось. В любом случае пора было возвращаться домой — до города ещё предстояло преодолеть пару миль вдоль шоссе.

Руки одеревенели от усталости и едва слушались, но я вернула крышку гроба на место, кое-как закидала землёй и разровняла лопатой. Потом нарвала у ограды мальву и очанку и воткнула сверху. Поправила декоративную урну. Вот так. Если не приглядываться, ничего не заметно. А приглядываться и некому: я ещё когда брала лопату из сторожки, обратила внимание на ворсистые ковры паутины и пуфики пыли — сюда несколько десятилетий никто не навывался, не считая редких туристов, и наверняка ещё столько же не наведается. Кладбище старинное и закрыто для новых захоронений. Но лопату я всё равно исправно повесила на гвоздь, к другим инструментам для расчистки дорожек.

К тому времени, когда выбралась на шоссе, небо начало светлеть. По дороге я зевала и размышляла о том, куда мог направиться принц. Наверное, он уже за тридевять земель отсюда. Я бы на его месте делала ноги из нашей дыры. А учитывая резвость передвижений, не удивлюсь, если он прямо сейчас заходит в парижское кафе «Две мельницы» на Монмартре, в котором я мечтаю побывать с тех пор, как посмотрела «Амели», или гуляет с медведями по Красной площади, или вообще сидит на Великой Китайской стене.

Родной коттедж встретил мирной тишиной. На крыше сонно поворачивался флюгер в виде поварёшки, ветви сливы дружелюбно погладили по спине, когда я, пригнув голову и прижав сумку к груди, спешила к крыльцу. Заходила, соблюдая максимальную осторожность, и сразу устремилась к лестнице на второй этаж.

Оказавшись в комнате, кинула сумку на пол и, раздеваясь на ходу, прошествовала в ванную. Зеркало на контрасте с белоснежной кафельной плиткой отразило полный масштаб катастрофы, которая разразилась бы, застань меня бабуля под утро в таком виде: в спутанных рыжих волосах застряли листики и мелкие веточки, одна серёжка где-то потерялась, а грязь добралась всюду и даже заворачивала за уши. Я зашла в душ и повернула краны, наблюдая, как вода быстро теряет прозрачность, а мелкий сор и травинки, кружась, затягиваются в сливное отверстие.

Особенно долго драила мочалкой ногти. Наконец выбралась на коврик, обтёрлась насухо, облачилась в пижаму и вернулась в спальню. Сил сушить волосы уже не осталось — до будильника и так всего полтора часа. Лучше встану пораньше и улизну на работу до того, как поднимется бабушка. Все следы я вроде бы тщательно замела, но с ней никогда нельзя быть уверенной. У бабули какое-то звериное чутьё на мои косяки, даже на те, которые ещё не совершены.

Я завела круглый обшарпанный будильник с выцветшей картинкой какого-то приморского города и упала лицом в подушку. Кажется, не успела даже долететь до неё, а он уже запиликал.

Невысушенные волосы превратились в гнездо. Кое-как причесавшись, я натянула футболку с героиней из «Храброй сердцем». Нетта, когда дарила её, сказала, что Мериду рисовали с меня. Это, конечно, преувеличение, но в чём-то она права. Хотя волосы у меня не морковно-рыжие, а темнее. Прибавив к футболке приличную юбку-шотландку и гриндерсы, я

критически оглядела себя в зеркале: может, стоит постричься? Каждой девушке полезно время от времени менять имидж, особенно если она не меняла его последние семнадцать лет. Интересно, перестал бы Арий считать меня странной, если б увидел, к примеру, с элегантно каре?

Я тут же разозлилась на себя и специально нацепила с полдюжины пластиковых колец и браслетов. Потом запихнула в сумку бейдж с именем, запасную футболку и упаковку домашней жвачки на травах, повернула дверную ручку и выскользнула в коридор.

В последнее время у меня появилась отвратительная привычка соотносить все поступки с реакцией Ария: какой диск он бы предпочёл послушать? Ногти на обеих руках лучше покрасить в один цвет или малиновый фиолетовым не испортишь? Дошло до того, что я коричневых мишек из сухих завтраков стала выбирать, потому что он предпочитал пшеничные шоколадным. Я даже те чулки выкинула. А потом достала из контейнера, сожгла и снова выкинула. Но что-то подсказывало: чтобы Арий Лоск перестал считать меня ненормальной, пришлось бы выкинуть весь дом заодно со мной.

Коттедж у нас старенький, кряхтит и охает на разные лады, как живой. А в грозу поёт: флюгер на крыше повизгивает фальцетом, половицы и дверные косяки дребезжат, и им вторят хрустальные рюмочки из серванта в гостиной. В лестнице же нет ни одной не скрипучей ступеньки, по ней даже бегать можно и играть, как на большом пианино. Но я давно досконально изучила каждую и знала, куда ступать, чтобы не производить шума, поэтому спуск прошёл гладко.

На цыпочках пересекла холл с открытыми по обеим сторонам дверьми — в гостиную, где ветерок играл занавеской, и кухню, откуда уютно тянуло душистыми яблоками и блинчиками, — и уже взялась за ручку, когда до меня дошло. Блинчиками?!

Одновременно с этим ушей достиг беззаботный голос, насвистывающий песенку про девушку, сбежавшую из дома, чтобы скитаться по морям с возлюбленным пиратом. Свист на секунду прервался.

— Доброе утро, рыжик.

И снова возобновился.

Я примёрзла к месту, медленно отпустила дверную ручку и вернулась к кухонному проёму, улыбаясь от уха до уха, аж щёки трескались.

— Бабуля, ты рано! Ты же обычно встаёшь на... — кинула взгляд на наручные часы, — целый час позже!

Бабушка повернулась ко мне, не выпуская из левой руки сковороды, и задумчиво помахала зажатой в правой лопаткой.

— Проснулась сегодня ни с того ни с сего с мыслью: дай-ка испеку Виски блинчики. Давненько их уже не готовила.

Кисть отточенным движением шевельнула сковороду. Золотистый кругляш взметнулся в воздух, сверкнув ажурными дырочками, несколько раз перевернулся и шлёпнулся точнёхонько в чугунные объятия блинницы.

Всё это бабушка проделала не глядя. Потом отвернулась к плите и ткнула лопаткой в пустой стул.

— Сядь.

— Прости, я правда хотела уйти на работу пораньше. Ты ведь знаешь, господин Улаф в последний раз опять грозился меня уволить, и...

Лопатка припечатала зашипевший блинчик, и я покорно опустила на указанное место,

пристроив сумку рядом. Это только с виду моя бабуля — одна из тех безобидных особ, которые просят у вас достать в супермаркете порошок с верхней полки, а потом долго и утомительно рассыпаются в благодарностях, рассказывают о своих кошках, внуках и приглашают заглянуть как-нибудь на чай.

На деле же я испытывала сейчас примерно те же чувства, что и должник, наблюдающий за тем, как Дон Карлеоне жарит стейки.

Бабушка выключила плиту, повернулась и с улыбкой поставила передо мной блюдо с высокой стопкой блинчиков — на верхнем ещё скользил, лениво тая, ярко-жёлтый кусочек масла. По бокам примостила две пиалы: со сметаной и смородиновым вареньем.

Воспользовавшись тем, что она отвернулась повесить прихватку, я быстро понюхала верхний блин. Кажется, всё чисто. Но имея дело с моей бабулей, лучше перестраховаться. Когда я вернулась с первого свидания с Арием, она пекла плюшки с корицей. Я умяла аж три. А попутно выболтала ей подробности встречи, включая тот момент в самом конце, когда Арий, заглушив мотор перед домом, повернулся и поцеловал меня, и какой восторг я при этом испытала. Как потом его рука забралась ко мне под кофточку и легла на грудь, и ей позволено было там оставаться на всём протяжении поцелуя. А целовались мы долго.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — ласково поинтересовалась бабушка, пододвигая стул и усаживаясь напротив.

Я быстро макнула блин в сметану и откусила.

— Не-а, а что такое?

— Да ничего. — Она провела рукой по столу, стряхивая крошки в ладонь. — Просто интересуюсь. Могу же я узнать, чем живёт моя внучка, что нового...

И взгляд обманчиво рассеянный. Она даже поморгала для вида, хотя зрение — как у сокола. Я это точно знаю, от господина Гуна, нашего офтальмолога. Он отказался выписать ей очки на том основании, что бабуля видит даже муху, присевшую на арбузную корку на другом конце города. Понятия не имею, зачем они ей понадобились. Наверное, считала, что так будет проще сойти за рядовую старушку.

Поразительная наивность. Каждый в Мистиктауне знал, кто такая Брунгильда Финварра, и про её кулинарный дар, передающийся у нас в роду по женской линии из поколения в поколение. А там, где дар, там «Ведьма!» в спину и косые взгляды, проецирующиеся на всю семью. Что, впрочем, не мешает горожанам выстраиваться в очередь к бабулиной продукции на ежегодной осенней ярмарке и постоянно обращаться за съедобной помощью.

А что же мой дар, спросите вы? А на мне природа отдохнула! Нет у меня никакого дара, если не считать таковым способность поглощать плюшки с космической скоростью. Я даже блюдо из одного ингредиента умудрилась запороть: знаете, это когда банан замораживаешь дольками, а потом включаешь блендер, вжик — и вуаля! — шикарное мороженое готово. И вообще-то я не готовлю. Никогда. Этим летом только сделала исключение для Ария, рискнув испечь кексы. Он похвалил и спешно попрощался, а через десять минут я пошла выбрасывать мусор и обнаружила, что его тошнит в кустах.

— Да что у меня может быть нового? — Я старательно проложила дорожку из варенья и свернула блин. — Всё как обычно. Сама-то есть не будешь?

Бабушка пожала плечами, подвинула к себе другую тарелку и подцепила кругляш.

— Собираешься в пятницу на бал? — резко сменила тему она.

Я застыла, не донеся блин до рта — про расставание с Арием ей не говорила.

Официально не говорила, хотя не сомневаюсь, что она обо всём знает. Помню, в День-Который-Нельзя-Вспоминать, как окрестила его Нетта, провожая меня на работу, бабушка молча сунула мне в сумку жестянку с домашним печеньем. Тремя часами позже хватило одной штуки, чтобы мой поток слёз в уборной пошёл на убыль.

— Пока не решила. — Я поднялась и чмокнула её в щёку. — Спасибо за завтрак, ба, мне правда пора. А эти захвачу с собой.

Быстро сложив несколько блинов уголком, я сунула их в пластиковый контейнер, помахала на прощание и вышла из дома.

Прикрывая калитку, обернулась. Бабушка стояла на освещённом утренними лучами крыльце и, сложив ладонь козырьком, смотрела мне вслед.

Сейчас она выглядела как самая обыкновенная старушка. Даже безо всяких очков.

Глава 2

Марика едва не сшибла меня с ног, стоило переступить порог «Весёлого ворона». Господин Улаф ещё не пришёл, а её явно распирало от желания поделиться с кем-то новостями.

— Слышала, что произошло? — выпалила напарница, широко распахнув ресницы, отчего глаза, и так слегка навывкате, стали совсем как у Добби, если бы тот пользовался сиреневой тушью.

Я кинула сумку в подсобку и принялась повязывать передник.

— Нет, а что?

— Да чего только не произошло! Даже по местному радио передавали!

Я как раз прикалывала к груди бейдж, но в этом месте насторожилась и промахнулась, всадив остриё в большой палец. Сунуть его в рот не успела: Марика схватила меня за руку и усадила за ближайший столик.

— Этой ночью на машину господина Капелюша, возвращавшегося из поездки к родным в соседний город, прыгнул лось — можешь себе это представить? Прямо на подъезде в город!

— С ним всё в порядке?

— С лосем? Да что ему будет: умчался, прежде чем тот успел из машины выйти. А «бьюик» уже отогнали в мастерскую Лоцмана. Если хочешь, в перерыв сбегай посмотри.

— Я вообще-то про господина Капелюша...

— Только вмятины на капоте странные, — задумчиво продолжила Марика, — вроде не совсем лосиные. Там даже каблуки от сапог как будто угадываются. Может, какое-то другое животное... Ещё темно было, господин Капелюш сам сказал, что толком не разглядел.

По спине потёк неприятный холодок, но времени подготовиться к худшему мне не дали.

— А ещё кто-то выкопал принца Варлога!

— Что?! Как про это так быстро узнали?!

Марика была слишком поглощена собственными мыслями, чтобы обратить внимание на странный вопрос или лихорадочные пятна у меня на щеках.

— Рано утром приехали с инспекцией из столицы — её, оказывается, каждые полвека проводят, — уже собирались уходить, когда заметили на могиле принца очанку и мальву, которые по уставу запрещено сажать на кладбищах. А там уже пошло-поехало: обнаружили, что землю кто-то разворошил, копнули глубже, и бамс — пустой гроб, и никакого принца. Этого сумасшедшего сейчас ищут, по всем полицейским постам передают.

— Принца ищут? — охрипшим голосом переспросила я.

— Да не принца, — отмахнулась она, — а психа, который его выкопал.

— Почему решили, что она... то есть он псих?

— А нормальный стал бы похищать труп принца?

Марика запнулась, видимо, вспомнив о репутации сидящей напротив особы, но тут же продолжила:

— И это ещё не всё!

— Не всё?.. — простонала я.

— На Друзилу Гримсен напали.

— Как напали? Кто напал? — выдавила я онемевшими губами, а перед глазами встала перекушенная пополам белка.

— Она вывела Пикси на прогулку пораньше...

Пикси — это йоркширский терьер госпожи Гримсен, на редкость стервозное и вредное создание.

— ...потому что у той в последнее время проблемы с мочевым пузырём. Они даже в лес не углублялись, так, слегка свернули от шоссе, и тут откуда ни возьмись выскочил парень в карнавальном костюме. Ой, ты мне так пальцы сломаешь, — Марика поморщилась и забрала руку. — Так вот, выскочил и перепугал их обеих до полусмерти. Госпожа Гримсен сразу поняла, что он собирается её обесчестить.

Я секунду подумала.

— То есть это первое, что пришло ей в голову?

— Конечно! Потому что он смотрел на неё *та-а-аким* голодным взглядом.

— Госпоже Гримсен девяносто шесть.

— Для этих извращенцев нет ничего святого, — громко прошептала Марика, навалившись грудью на стол.

Звякнул дверной колокольчик, и в кафе, пригнув голову, вошёл господин Улаф. Мы как по команде поднялись и начали изображать активную деятельность: я принялась протирать столы, а Марика — проверять, где закончились соль и перец.

Больше всего на свете хозяин «Весёлого ворона» не любил видеть нас без дела, и, надо сказать, мы редко огорчали его этим зрелищем, честно отбивая жалованье.

— Так что там с госпожой Гримсен? — спросила я углом рта, когда Марика добралась до моего стола и потрясла солонку. — Она в больнице?

— О господи, нет, конечно! К счастью, господин Капелюш как раз возвращался на мятой тачке и спугнул мерзавца. Он-то и привёз её обратно и довёл до порога.

Больше до самого открытия нам не удалось перекинуться ни словом.

Но это было ни к чему. Новости крутили по радио, новости обсуждали за столами, новости сочились отовсюду и обрастали подробностями. К обеду вдруг «выяснилось», что маньяк успел порвать кофточку на госпоже Гримсен, но она проявила редкое присутствие духа и лягнула его в то самое место, при упоминании которого мужская половина слушателей поморщилась — в общем, получил по заслугам.

Последнее обстоятельство особенно радовало Ариэль Хук, девушку с широким лицом в следах от выдавленных угрей и мужицкими плечами, совсем не похожую на красноволосую русалочку. Она повторила фразу не меньше трёх раз, смакуя.

Потом кто-то догадался связать нападение на добропорядочную жительницу города и акт вандализма на кладбище, и вскоре все единодушно решили, что оба преступления совершило одно и то же лицо — тот самый маньяк-извращенец. Оставалось только догадываться, что он сотворил с телом принца, после истории-то с госпожой Гримсен.

В обед заглянула Нетта. Она часто заходила ко мне на работу, но в этот раз её появление показалось мне дурным предзнаменованием. На подруге был голубой топ с бахромой и узкие джинсы, в ушах покачивались пластиковые полумесяцы, а в волосах, как обычно, позвякивали костяные бусины.

Воспользовавшись тем, что господин Улаф скрылся в подсобке, я плюхнулась на диванчик напротив неё.

— Слышала, что случилось? — начала я, пытаюсь копировать оживлённый тон, которым все делились друг с другом новостями, буквально порвавшими наш городишко.

Нетта оторвалась от меню, которое разглядывала, морща нос, и её зелёные густо

подведённые глаза расширились.

— Не может быть...

— А госпожа Гримсен проявляет бойцовские качества не только на распродажах, да? — предприняла новую попытку я.

— Это ведь ты? — Нетта вцепилась мне в руку.

— Не понимаю, о чём ты.

— У тебя кончик носа белеет, когда врёшь. Вот, снова! Выкладывай, как ты это сделала?

— Сделала что?

Я до последнего упиралась, уже зная, что отвертеться не получится.

— Разбудила принца, конечно!

Иногда мне кажется, что Нетта больше подходит на роль внучки моей бабушки. Хотя та вряд ли потерпела бы шальные словечки, то и дело проскакивающие в её речи, и прилепленные по всему дому жвачки.

— Тише! — Я беспокойно оглянулась на соседние столики. — Такого разоблачения моя репутация уже не выдержит.

Нетта скрестила руки на груди.

— Требую подробностей.

— Давай не здесь, ладно? Встретимся после работы, тогда всё и расскажу.

— Хорошо, подробности после работы, а сейчас самое главное, — она перегнулась через стол. — Он правда такой красавчик, как рассказывают?

— Да, но...

— Ты с ним целовалась? — перебила она.

— И это было, — не стала отпираться я.

Она ткнула кулаком мне в плечо и откинулась на диване, одобрительно прищурившись.

— Ну ты и шлюшка!

Голос сделался циничным и прокуренным, хотя она не курит.

Нетта любит строить из себя прожжённую оторву и рассуждает о парнях так, словно они каждое утро сотнями вылезают из окна её спальни, хотя на самом деле парень у подруги всего один: был, есть и, без сомнения, будет. И умрут они в обнимку, как те неолитические «Ромео и Джульетта», обнаруженные при раскопках в Мантуе.

Чезаре Бартола влюбился в Лунетту Гертруду Изабеллу Раймон в тот самый миг, когда она врезала ему лопаткой промеж глаз в песочнице у озера. Обоим было по четыре, и его семья только-только переехала в город. У Чезаре даже шрам остался. С тех пор он ходит за ней как привязанный. В кафе они обычно заказывают один коктейль на двоих, и делёж вишенки заканчивается страстным поцелуем. Иногда, глядя на них, я даже завидую: Нетта, по крайней мере, точно знает, с кем пройдёт по жизни, и может быть уверена, что её не бросят.

— Надеюсь, его поцелуи высосали из тебя воспоминания о том придурке? — Как и любая настоящая подруга, она считала своим долгом втаптывать в грязь имя посмеявшегося бросить меня парня. Тут я украдкой вздохнула: целовался Арий Лоск как бог — такого непросто забыть. Он был настоящим совершенством, начиная с белозубой улыбки и заканчивая трогательной привычкой щипать себя во сне за локоть. — Целовались-то хоть с языком?

— Нетта, меня сейчас не это волнует. Принц съел белку.

Повисла пауза.

Лицо подруги стало обескураженным.

— До или после поцелуя?

— После, но не думаю, что тут есть какая-то взаимосвязь.

— Детка, да твои поцелуи сводят парней с ума!

— Нет, — я покачала головой, — с принцем что-то не так, чувствую это. Да и вообще я думала, что он уже на полпути куда-нибудь, но, получается, принц Варлог всё ещё бродит в окрестностях Мистиктауна и пугает добропорядочных старушек. Сие может означать одно...

— Ему что-то нужно, — кивнула Нетта, как всегда, схватывая на лету. — Что, если он хочет сделать тебя своей принцессой фей или типа того?

Я вспомнила полный крови и шерсти рот и содрогнулась.

— Или лечь обратно в полной уверенности, что его больше не потревожат. Как бы то ни было, я должна найти его раньше полиции и горожан. За пятым столиком уже вовсю обсуждают идею разбиться на отряды и начать прочёсывать лес.

— Так во сколько встречаемся?

— Для чего?

— Ловить принца, конечно! Ты же не собиралась веселиться в одиночку?

Я почувствовала, как губы раздвигает улыбка.

— Спасибо, Нетта.

Она отмахнулась.

— Давай сразу, как стемнеет, — предложила я. — Только никому ни слова.

— Усекла.

— Я серьёзно.

— Да поняла уже! — Глаза Нетты азартно сверкнули. — Пристегните ремни, дамы и господа. Охота на принца началась!

Глава 3

Мошकारа суетливо металась в жёлтом конусе света от фонаря. Я зорко следила за улицей, прячась в тени между круглосуточной закуской и кустами. Заслышав шаги, вытянула шею, пару секунд всматривалась, а потом вышла из укрытия и откинула капюшон толстовки.

— Просила же никому не говорить!

Нетта обернулась на следовавшего за ней по пятам долговязого парня в линялой футболке с портретом Курта Кобейна и надписью «Nobody dies virgin cause life fucks everyone»^[2]. Прихлёбывая газировку из жестянки, он то и дело дёргал головой, чтобы откинуть назад спутанные каштановые кудри.

— Это ж Цезаре, — искренне удивилась она.

Я вздохнула. Наверное, даже если бы Нетта ничего ему не сказала, он бы всё равно узнал через какой-то особый ментальный канал влюблённых.

Парень вскинул два разведённых пальца.

— Салют, Виски. Нетта сказала, мы идём ловить твоего принца?

— Тише, — я потянула их к кустам, поскольку в конце улицы показалась небольшая группа добровольцев во главе с Ариэль Хук.

Горожане проявили удивительное единодушие в деле поимки опасного психопата, и за время ожидания мимо прошли минимум три таких патруля. Когда они исчезли из поля зрения, я повернулась к друзьям.

— Думаю, в городе искать бесполезно. Они прочёсывают каждый квадратный сантиметр начиная с трёх часов дня. Будь Варлог в Мистиктауне, давно бы попался.

— Согласна, — кивнула Нетта. — Тогда шоссе и лес?

— Начнём с них, — согласилась я.

* * *

Поиски на шоссе ничего не дали, и вскоре мы углубились в лес. Свет с дороги сюда не проникал, поэтому карманный фонарик на батарейках, который я захватила, оказался очень кстати. Вскоре выяснилось, что не только нам пришла в голову мысль искать возмутителя спокойствия здесь: то и дело доносились голоса, за деревьями мелькали огоньки, у кого-то трещала рация, звонили рингтоны и мигали экраны мобильных, которыми добровольцы подсвечивали себе путь. Ситуация всё больше напоминала охоту на детище доктора Франкенштейна. Я представила, как Ариэль Хук зажигает факел из болотного дерева и с решительным видом зовёт народ на мельницу. Правда, были и те, для кого вылазка стала предлогом приятно провести время. Один раз мы даже вспугнули целующуюся парочку. Те убежали из кустов и, смущённо хихикая, скрылись в темноте.

Я водила лучом фонарика по стволам деревьев и так напряжённо вслушивалась в каждый звук, что едва не подпрыгнула, услышав позади шорох. Резко повернувшись, направила свет на Нетту.

Она протянула пакетик чипсов.

— Хочешь?

— Как ты можешь сейчас есть?!

— Стоит открыть новую пачку, и он, — кивок на Чезаре, — тут как тут. Подумала, может, и с твоим работает.

— Что верно, то верно, — заметил парень, закидывая в рот целую пригоршню сухих картофельных ломтиков.

— У меня ещё сухарики с беконом есть, хочешь?

— Так, — я остановилась и потёрла лоб, — всё это никуда не годится. Чувствую, мы не там ищем.

Нетта и Чезаре слушали меня, хрумкая и по очереди запуская руку в пакетик.

— Давайте на секунду представим себя на месте принца. Вот ты, Чезаре, — я наставила на него луч, и юноша заморгал, закрываясь ладонью, — что бы стал делать, очнувшись после многовекового сна?

Он задумался и повозил рукой в пачке, подбирая остатки со дна.

— Я бы поел.

— Согласна, именно это он бы и сделал в первую очередь. На той неделе ночевали у маман, так он спорол пирог, который она заказала у твоей бабушки для благотворительного собрания, а наутро, как обычно, ничего не помнил. Пришлось свалить вину на Бальтазара.

На своего кота Нетта валила вину буквально за всё последние семнадцать лет. В детстве делала это из страха перед наказанием, теперь продолжала уже по привычке. А про то, что Чезаре ходит и ест во сне, я знала давно. В первый раз подруга подняла страшный крик, застав его в постели с индейкой. Недоеденной.

— Утолить голод, хорошо. Это он уже сделал. А потом? Твоя версия, Нетта? — Я перевела луч на неё.

— Приняла бы душ, — ответила она не задумываясь, — и заскочила к маман — сказать, что я в порядке.

Повисла поражённая пауза. Все подумали об одном и том же.

— Значит, домой, — тихо подытожила я.

* * *

Полчаса спустя мы стояли в лесопарковой зоне, начинавшейся за кладбищем, и обозревали развалины крепости. Вообще-то развалинами это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Башня неплохо сохранилась для сооружения, которому без малого тысяча лет. Казалось, она и сейчас способна выдержать натиск осадных орудий. Стены заросли мхом и вьюнками, в зазорах кладки тут и там, несмотря на ночное время, горели сиреневые и жёлтые цветки. Десятка три глыб валялось у подножия, на шершавых боках проступали полустёртые клейма мастера.

Именно отсюда, если верить легенде, берёт своё начало Мистиктаун. Раньше на этом месте было небольшое поселение, а в крепости жил феодал с семьёй. Когда напал Враг, все жители заперлись в башне и два месяца мужественно отражали атаки. Силы осаждённых и запасы уже истощились, но тут мимо, по счастью, проезжал принц Варлог, возвращавшийся из военного похода с тремя дюжинами верных рыцарей. Он вступился за несчастных и обратил Врага в бегство. Отличился и его верный ворон Морок, выклевав глаза трём пехотинцам, за что и был награждён миниатюрной кольчугой.

Благодарные жители долго не хотели отпускать своего героя, старейшины осыпали его дарами, а девы — ласками. В результате ему так здесь понравилось, что он передумал возвращаться к себе и остался насовсем. Далее в легенде наступала мутная часть, по итогам которой Варлог оказывался уже спящим под действием заклинания в статусе героя и покровителя города, пришедшего на смену селению.

Поговаривали, что дело не обошлось без ведьмы. Оно и понятно: кто-то же должен был наложить чары? Одни утверждали, что вскоре после победы принц подцепил лёгочную болезнь и жить ему оставалось всего ничего. Опечаленные люди прибегли к колдовству, чтобы сохранить своего героя навеки молодым и красивым — таким, каким он явился им на выручку в рассветных лучах во главе отряда. Другие напирали на то, что всё это происки ведьмы, которая, подобно многим девушкам, влюбилась в него, но, не добившись взаимности, решила низко отомстить.

Сторонники вышеозначенных версий так и не пришли к общему знаменателю, но сходились в одном: принц должен лежать там, куда его положили. Это решение было принято много веков назад их предками, и не им его менять.

Откапывая принца, я убеждала себя, что оказываю ему услугу. Ведь если причина в болезни, наверняка ему захочется ещё разок вдохнуть здешний воздух, поболтать ногами в озере и встретить рассвет. А если в ведьме, то я тем более поступаю благородно.

В детстве мы частенько бегали к развалинам вместе с другими ребятами, несмотря на запрет родителей, даже во многом — из-за него. Тогда я верила, что он связан с привидениями, а не полуразрушенными перекрытиями и опасностью столбняка.

Башня манила нас почище домика колдуньи со стенами из печенья и леденцовой крышей. Верхом крутости считалось провести в ней ночь. Крутым в нашем городе не стал никто. Дольше всех продержался Чезаре: он вышел за час до восхода солнца под восторженные крики. И лишь в прошлом году признался Нетте, что потерял сознание от страха и очухался только перед рассветом.

И вот мы снова стояли здесь. Кладка башни серебрилась в свете луны, как чешуя огромной рептилии, единственное окно на самом верху темнело выбитым глазом. Гром в отдалении и собирающиеся тучи намекали на вероятность дождя.

— Как вы думаете, он там? — прошептала Нетта.

— Надеюсь, — так же тихо отозвалась я, далеко не уверенная, что действительно этого хочу.

* * *

Вход давным-давно завалило глыбами, поэтому в детстве все пользовались проломом в стене. Пришлось обойти башню трижды, прежде чем нужное место наконец нашлось. Свисающие до земли ленты мха и вьюнки закрывали его занавеской, а груды камней служили естественным препятствием.

Чезаре вскочил на ближайший, покачнулся и раскинул руки, восстанавливая равновесие. Потом помог вскарабкаться нам с Неттой. Оттуда по глыбам мы добрались до пролома. Чезаре спрыгнул первым и исчез внутри.

— Эй, ты в порядке? — встревоженно позвала Нетта, вглядываясь в темноту.

— А здесь круто! — раздался его возбуждённый голос, и в проёме появился он сам,

протягивая руки.

Подруга села на край, оттолкнулась и, тихонько взвизгнув, скользнула в его объятия. Я не стала дожидаться помощи и спрыгнула сама. Одной рукой Нетта всё ещё обнимала Чезаре, а второй отряхивала джинсы.

Внутри оказалось не так уж и темно. Ближе к крыше зияла брешь, через которую проникал рассеянный лунный свет, расплываясь внутри молочным туманом. Стены поддерживал древесно-лиственный корсет из корней и лоз. Наверх вела лестница, покрытая толстым слоем скользкого мха. Увидеть в таких условиях чьи-то следы нереально.

— Что дальше? — прошептала я.

Нетта пожала плечами и приставила ладони ко рту рупором:

— Принц Варлог! Эй, вы здесь? Вы меня слышите?

— Тише!

Я схватила её за локоть. Эхо унеслось ввысь, отскакивая от стен и искажаясь, пока голос Нетты не стал похож на крик ночной птицы.

— Мы твоего принца ищем, а не чудовище из Чёрной Лагуны, — удивилась она, отлепляя мои пальцы. — И раз уж он не поспешил на зов, предлагаю не затягивать с поисками. Тут повсюду мох, а у Чезаре аллергия на сырость.

Парень громко чихнул в подтверждение.

Довольно скоро стало ясно, что продвигаться рядком не слишком удобно, и мне пришлось пойти впереди, а друзья поотстали.

— Представляю, каково сейчас принцу, если он видел всё это, — заметила я, водя фонариком из стороны в сторону и уворачиваясь от свисающих корней. — Я б на его месте расстроилась, проснувшись и обнаружив, что мой дом превратился в ботанический сад.

— Ты забыла, что он жил в другое время, — откликнулась Нетта и наклонилась, чтобы провести ладонью по ковру из наперстянок. — Тогда люди были ближе к природе: никакого зависания в Фейсбуке и Инстаграме. Только молитвы, прогулки на свежем воздухе и натуральная пища. Думаю, они оценили бы суши.

— Хм, скорее уж основу рациона составляло мясо.

— Всё никак не можешь забыть ту белку?

— Ты бы тоже не смогла, поверь.

Болтовня продолжалась ещё какое-то время, пока я не заметила, что говорю одна. Не дождавшись ответа, обернулась и обнаружила, что рот Нетты занят Чезаре: они самозабвенно целовались, привалившись к стене. Пальцы подруги зарылись ему в волосы, а нога обнимала пониже талии.

Будто только вчера начали встречаться! Я вздохнула и посмотрела на лестницу.

— Проверю наверху и возвращаемся в город. Может, появились какие-то новости. Если нет, решим, где искать дальше.

Нетта издала мычание, но не уверена, что оно относилось к моим словам.

— В общем, я быстро.

Быстро не получилось. Скользкий мох превратил лестницу в настоящую горку. Приходилось подниматься, цепляясь за стену. Лак позеленел, а под ногти забились земля. До цели я добралась вспотевшей и совершенно выбившейся из сил.

Весь верхний этаж занимала просторная комната с окном, которое мы видели снаружи. Входом служил квадратный люк в полу. Ступени закончились в тот момент, когда моя верхняя часть была уже в комнате, а нижняя всё ещё на лестнице. Я положила фонарик на

пол, сняла через голову и кинула рядом сумку, подтянулась и влезла.

Поднявшись с четверенек, отряхнулась и повернулась кругом. И хотя стены тут были такие же, как везде, что-то выделяло это помещение, какая-то незримая аура. Должно быть, раньше здесь располагались личные покои — спальня хозяев или комната их дочери, если она у них была. Я представила возле окна златоволосую деву, склонившуюся над вышивкой: как она напевает и временами поглядывает на лужайку перед башней, где красуется рыцарь.

Нарисованный воображением образ растаял, оставив только прямоугольник окна с неровными краями. Свисающие сверху корешки завораживающе покачивались на ветру, а снаружи шумели кроны деревьев. Я шагнула вперёд и запнулась о крышку люка, ставшую практически частью пола. Аккуратно обогнув её, приблизилась к окну.

От открывшегося вида перехватило дыхание: вся округа предстала как на ладони. Лес обступал башню тёмной волнующейся массой, от него тянулось стальной иглой шоссе, упираясь в наш город. Отчётливо проступали крыши Мистиктауна, различались даже очертания старой водонапорной башни и моргающая неоновая вывеска с огромной красно-белой кеглей.

Увлёкшись, я не сразу почувствовала, что лопатки колет чей-то взгляд. Стоящий позади не обозначил своё присутствие ни единым шорохом, но волоски у меня на руках вздыбились, и я обернулась. Принц тут же выступил из тени стены. Стоило большого труда не вскрикнуть: наверное, это было бы невежливо, хотя вполне оправданно, учитывая обстоятельства нашей первой встречи. Не знаю, находился ли он в комнате с самого начала и наблюдал, как я кряхтя выбираюсь из люка, стою на четвереньках, отряхиваюсь и спотыкаюсь, или же пришёл позже. Мне нравится думать, что второе. Сейчас я смотрелась куда эффектнее: на фоне окна, с раздувающимися от ветра волосами...

С потолка мягко спланировал Морок и забил костяными крыльями над правым плечом хозяина. На этот раз в Варлоге было больше человеческого, хотя застрявшие в волосах листики придавали ему диковатый вид, делая похожим на сказочное порождение леса.

Он двинулся вперёд, не сводя с меня горящих, как два оникса, глаз.

— Ты та дева, что пробудила меня...

Глухой голос был не лишён выразительности, а сам принц казался ещё красивее. Лунный свет превращал капельки влаги на его дублете в россыпи жемчужин, а чувственный изгиб губ вызывал желание коснуться их.

Может, ещё не поздно завести речь о бале?

Я тоже двинулась ему навстречу.

— Не нужно благодарить, мне это ничего не стоило, тем более что...

— И поэтому ты умрёшь, ведьма!

Ворон щёлкнул клювом.

— Что? — попяtilась я. — Нет, погодите, понимаю, конечно, что неловко вышло и вы расстроены — сама терпеть не могу, когда сосед по средам ни свет ни заря включает газонокосилку, а мне на работу во вторую смену, — но, уверена, мы найдём способ уложить вас обратно.

— Где Кольцо? — потребовал он, продолжая надвигаться.

— Так вам нужно кольцо? — с облегчением воскликнула я и принялась срывать дешёвые перстни, а заодно и браслеты, радуясь, что надела так много. — Вот, держите, забирайте всё, возвращать не нужно. Считайте это извинением за причинённое беспокойство. Можете подарить кому угодно, хоть Регине Санкёр, я не буду возражать.

Принц перешагнул горку побрякушек и остановился вплотную.

— Кольцо Имельды, где оно?

Я схватилась за края окна, чувствуя за спиной пустоту. Развевающиеся волосы больше не радовали.

— Никогда о таком не слышала. А Имельда — это ваша девушка? Если она лежала неподалёку, можем и её откопать.

— Найди мне Кольцо Имельды, ведьма.

— Конечно. Как скажете. И тогда вы меня не убьёте?

— Тогда я убью тебя в последнюю очередь. — Он посмотрел поверх моего плеча на ночные огни Мистиктауна и пугающе ухмыльнулся. — Сперва разделаюсь с каждым жителем этого жалкого городишки. Они ещё пожалеют!

Вспыхнула зарница, и раскалённая молния расщепила дерево во дворе. Я проследила, как две половинки с треском развалились в разные стороны, и задрожала. Как принц это сделал?!

— Разве вы не должны защищать Мистиктаун? Вы же его покровитель! Герой! — воскликнула я и зачем-то добавила: — У нас бал в пятницу!

Принц упёрся рукой в стену рядом с моим лицом и подался вперёд.

— Бал?

Пришлось отклониться ещё немного назад. Я глянула вниз, и живот скрутило в узел от ужаса: до земли было не меньше ста футов лёту. Ветер стонал и ревел, раскачивая верхушки деревьев, а на лоб шмякнулась холодная дождевая капля.

— Да, ежегодный, Осенний, соберётся весь город, и из соседних приедут, — забормотала я, цепляясь вспотевшими пальцами за кладку, — такова древняя традиция...

— Прекрасно, значит, даю тебе сроку до пятницы. И не вздумай меня обмануть, ведьма. Все жители в одном месте — это даже лучше.

— Хотите сказать, что... тоже пойдёте?

Я так удивилась, что забыла об опасности расплющиться о землю.

— Мы пойдём, ведьма.

— Мы? То есть вы меня приглашаете?!

— Предупреждаю, — прошелестел принц.

Не могу поверить, что всё происходит наяву! Каких-то пять минут назад я прикидывала, как бы половчее подтолкнуть его к мысли о бале, и вот Варлог сам меня приглашает. Но ещё никогда мои жизненные ценности не менялись так кардинально за пять минут.

— И последнее...

— Это не всё?! — в отчаянии вскричала я.

Внезапно он притянул меня за талию и впился поцелуем. Совсем близко громыхнул гром, небо прошила ветвистая молния, а ускользящее сознание ещё успело отметить свежесть дыхания — должно быть, у принца белкоотталкивающие зубы, — после чего окончательно помрачилось, растворённое в ощущениях. Поцелуй оказался горячим и пьянящим, растекаясь внутри сладостным трепетом, голова кружилась от восторга, а ещё от ужаса, потому что я наполовину свесилась наружу, но лежащая на спине рука Варлога удерживала от падения.

Пространство поплыло, нас мягко обступили звуки: шуршание юбок, чей-то негромкий смех, шепотки, бряцанье железа во дворе, конское ржание, скрип колодезного ворота и далёкий звон посуды. Они подкрадывались, просачивались со всех сторон и становились тем

громче, чем крепче губы принца прижимались к моим. Повеяло новыми ароматами: дыма, конюшни, раскалённой стали, хлеба. Где-то в небе коротко прокричал охотничий сокол.

На этом звуке наш поцелуй оборвался.

Принц отстранился, и всё снова стихло, а внутри осталось странное ощущение, будто я потеряла что-то важное. Пальцы невольно коснулись горящих губ, ещё хранивших вкус поцелуя.

— Найди Кольцо, и никому ни слова, — повторил принц, отступая обратно в тень стены и словно бы сливаясь с ней.

Последними исчезли мерцающие глаза, растаяв во мраке.

Я очнулась от оцепенения, услышав, как стучат зубы. Теперь, когда эйфория схлынула, меня бил озноб.

— Эй, вы ещё там? — позвала я, обхватив себя руками.

Никто не отозвался. Помедлив пару мгновений и убедившись, что Варлог ушёл окончательно, я бросилась к люку, на ходу подхватила сумку и спрыгнула на лестницу. Вниз практически катилась, то и дело шлёпаясь на спину, вскакивала и бежала дальше.

— Нетта! Чеза-а-а-аре!

Они лениво разлепили губы и уставились на меня затуманенными глазами. Мой полубезумный вид быстро привёл Нетту в чувство. Она оттолкнула парня и шагнула мне навстречу.

— Виски, с тобой всё в порядке? На тебе...

— Нет! Сматываемся!

Я схватила её за руку и потащила к выходу. Подруга, едва успевая перебирать ногами, беспомощно обернулась к Чезаре.

В пролом я буквально ввинтилась в вертикальном прыжке, почти не отталкиваясь руками и ногами. Друзьям понадобилось больше времени.

— Скорее, что вы там возитесь! — пританцовывала я, пока они кряхтя вылезали из дыры. Мне всё чудились в темноте за их спинами горящие глаза принца.

— Мы, между прочим, вместе физру прогуливали, — сердито пропыхтела Нетта, цепляясь за выступ и ища, куда бы пристроить ногу. Чезаре подталкивал её сзади.

Как только они спрыгнули на землю, я кинулась к деревьям. За спиной мягко застучали прорезиненные подошвы. За то недолгое время, что мы пересекали открытое пространство перед башней, молнии несколько раз ударили неподалёку. Через пять минут непрерывного бега Нетта остановилась, задыхаясь, и упёрла руки в колени.

— Всё, больше не сделаю ни шагу, пока не объяснишь, что произошло!

Я тревожно оглянулась на деревья, за которыми виднелась верхушка башни, и повернулась к друзьям. Последнее предупреждение ещё стояло в ушах, но от Нетты с Чезаре так или иначе скрыть не получится. Только им, решила я. Больше никто не узнает.

— Принц, он был там!

Нетта резко разогнулась, а Чезаре присвистнул.

— Ты говорила с ним? — Проницательный взгляд подруги остановился на моих распухших губах: — И снова целовалась.

— Да-да, и говорила, и целовалась, мы вообще мило поболтали. Принц даже пригласил меня на бал. Правда, перед тем чуть не скинул из окна и пообещал убить всех до единого жителей города!

Повисла густая пауза, за время которой кукушка успела крикнуть два раза, захрипела и затихла.

— Ты переутомилась, — заявила Нетта тем особым натянуто-мягким тоном, каким говорят с недовольным клиентом, обнаружившим муху в салате, и положила руку мне на плечо.

— Я говорю правду! — вскричала я, стряхивая ладонь. — Он появился в комнате наверху. Возник буквально из ниоткуда. Не знаю, может, в стене есть какой-то потайной лаз,

но выглядело так, будто он просто из неё вышел. Ещё эта жуткая костяшка была с ним.

— Ты про Морока?

(Пока мы прочёсывали шоссе, я посвятила их в подробности предыдущей ночи.)

— Да.

Я покосилась на плотно сомкнутые деревья и поёжилась.

— Идёмте, хочу убраться подальше отсюда.

На сей раз Нетта не стала возражать. Цезаре обнял её за плечи, и мы двинулись к шоссе. Немного успокоившись, я рассказала им всё по порядку и более связно.

Подруга до последнего не желала расставаться с иллюзиями относительно романтических видов принца на меня.

— Может, это такой средневековый флирт? Типа: зацелую тебя до смерти!

— Нет, Нетта, он не шутил, ты бы видела его глаза! Холодные и безжалостные. Принц — монстр, чудовище! И это я наслала его на город!

«А что в ящичке?» — спросила Пандора и потрясла шкатулку, — задумчиво произнёс Цезаре.

Нетта пихнула его локтем и снова повернулась ко мне:

— Но разве он не покровитель Мистиктауна?

— Я спросила его о том же. Уж не знаю, в чём дело. Может, он обиделся на наших предков за то, что те без спроса сделали из него спящую красавицу. Вдруг он хотел трагически погибнуть от чахотки? Или перепутал друзей и врагов и считает, что до сих пор на войне...

— Или у него просто съехала крыша от долгого лежания в земле, — предложил Цезаре самый незатейливый и правдоподобный вариант.

— В любом случае он твёрдо намерен сделать то, о чём сказал.

— Как?

— Понятия не имею, но принц вызвал молнию! Наверное, у него и другие колдовские силы есть...

Мы не сговариваясь посмотрели вверх: ветер успокоился, небо стремительно очищалось, а гром удалялся в северном направлении.

— А что мы, собственно, знаем о принце Варлоге? — прищурилась Нетта.

Впереди в просветах между деревьями замелькало шоссе. Выстроившиеся в вереницу фонари расплывались жёлтыми кругами, как огни на борту летающей тарелки.

— Только то, что написано в городских легендах, а они не страдают подробностями. По крайней мере, не припомню, чтобы хоть в одной упоминалась мстительная кровожадность.

— Повтори, как он назвал кольцо?

— Кольцо Имельды, слышала о таком?

Нетта отрицательно покачала головой.

— А про Имельду?

Подруга снова помотала головой и посмотрела на Цезаре. Тот пожал плечами:

— Я вообще не из этих мест, какой с меня спрос?

— Ты живёшь здесь последние тринадцать лет, то есть в три раза дольше, чем где-либо ещё, включая утробу матери, так что ты такой же житель Мистиктауна, как и любой из нас!

— Скажи это Лоцману, который до сих пор зовёт меня «Эй, парень», хотя я подрабатываю в его мастерской с шестого класса. Жителем Мистиктауна — настоящим жителем — может стать только тот, кто здесь родился.

— Лучше не зли меня, Бартола! — Нетта тряхнула головой, и пластиковые серьги угрожающе звякнули. Парень вскинул ладони, наклонился и что-то ей прошептал, поцеловав за ухом. Не знаю, что он сказал, но подруга остыла и следующий вопрос задала уже спокойным тоном: — Что ты собираешься делать, Виски?

— Отыскать это Кольцо, конечно, и поскорее!

— Мы все так тебя достали? — ухмыльнулся Чезаре.

— Чтобы выяснить, зачем оно Варлогу, — строго произнесла я. — А там по обстоятельствам: либо отдам ему, либо спрячу понадёжнее. Но твёрдо знаю одно: нужно вернуть Его Злодейство обратно под землю.

— Как насчёт того, чтобы угостить его бабушкиным пирогом? Госпожа Финварра из тех, кто одной левой уложит обратно и не посмотрит, что перед ней шестивековой принц.

Я в ужасе воззрилась на друга:

— Даже не вздумай ничего говорить бабуле! И ты, Нетта, обещай!

Подруга вскинула правую руку и выдала самую страшную из своих клятв:

— Чтоб мне до конца жизни носить деловой костюм!

Больше всего на свете Нетта ненавидела офисную униформу, в которой буквально задыхалась, хотя узкие юбки-карандаши и приталенные жакеты очень ей шли. Она даже в колледж решила не поступать, потому что потом пришлось бы устроиться в какую-нибудь скучную фирму, как того хотела её мать. Госпожа Раймон мечтала о том, чтобы дочь подыскала хорошую работу и уехала из Мистиктауна в лучшую жизнь, прихватив с собой и её, конечно.

Согласно представлениям Неттиной мамы, в этой лучшей жизни не было места Чезаре с его заляпанными машинным маслом джинсами, провокационными футболками и скандальными замашками. То, что последние он перенял у её дочери, женщина категорически отрицала, сваливая вину на отца парня, безработного бездельника. Вообще-то отец Чезаре — художник, но его жена, работающая школьной учительницей, да и многие в городе были согласны с госпожой Раймон. Слишком уж мутным им казался способ зарабатывать на жизнь, пачкая бумагу и другие поверхности абстрактными каракулями.

Всё на время менялось, когда поступали крупные заказы. Тогда господин Бартола запирался в своей мастерской, переоборудованной из гаража, и торчал там неделями, а то и месяцами, выбираясь лишь за тем, чтобы перекурить и затолкать в себя пару-тройку бутербродов с тунцом, дольками помидора и плавленым сыром. Итогом этой своеобразной диеты и изнурительной работы становился новый холст и чек на приятную сумму от безликого заказчика из города N. Из таких художественных запоев господин Бартола выныривал бледным, осунувшимся, со слегка растерянным взглядом, но до странного умиротворённый, словно нашёл решение мучившей его задачи или вытащил долго нывшую занозу.

В результате каждый на время получал, что хотел: госпожа Бартола — букет роз, бутылку Просекко и новое пальто на осень, господин Бартола — передышку и душевное равновесие, а Чезаре он покупал что-нибудь вроде кед с вделанными сбоку в подошвы лампочками или коллекционной пластинки, хотя заработок парня, который уже два года жил отдельно, давно вышел за рамки «на карманные расходы», а зачастую и превосходил жалованье самого дарителя. В таком старом городишке, как Мистиктаун, постоянно что-то ломалось, а Чезаре умел чинить не только машины. Ему несли всё, начиная с электрической взбивалки для молока и заканчивая первыми стиральными агрегатами. И никто из клиентов ещё ни разу не

ушёл разочарованным.

Починке не поддавалась только Нетта, с её безумными идеями, командирским голосом и любовью к купанию нагишом. Наверное, отчасти поэтому он сходил по ней с ума и гордо носил шрам от лопатки: Нетта была его вызовом, музой и вечным напоминанием, что в мире всегда останутся вещи, нам не подвластные.

К слову, подруга категорически не разделяла ни взглядов матери, ни её далеко идущих планов и отказывалась даже заглядывать в каталоги уютных квартирок, которые та регулярно заказывала по почте. Она не представляла жизнь без Мистиктауна и мечтала однажды открыть здесь эзотерическую лавку.

Мы вышли из леса и двинулись вдоль шоссе к городу. Мистиктаун уже спал, огни были притушены.

— Так и знала, что с этим принцем что-то не так! — ударила кулаком о ладонь подруга. — С самого начала подозревала. Принцам положено зваться Валентайнами, Чармингами, на худой конец Гарри. Где вы встречали принцев Варлогов? Это сразу настораживало!

Я деликатно промолчала. Ещё некоторое время мы шагали в тишине. Внезапно шедший впереди Чезаре выкинул в сторону руку.

— Я понял!

Нетта едва успела притормозить и удивлённо вскинула глаза:

— В смысле?

— Я ни о чём не жалею, — заявил он, поворачиваясь, бухнулся на колени и раскинул руки. — Принц сказал, что мы пожалеем! Но если бы мне действительно осталось жить всего неделю, я умер бы счастливым, потому что прекраснейшая из женщин дарила меня своей благосклонностью!

Лицо Нетты окаменело. Было непонятно, то ли она собирается его треснуть, то ли расплакаться. Наконец подруга хмыкнула, потянула Чезаре за футболку на груди, заставив подняться с колен, и когда юноша выпрямился, их губы и руки встретились, а я потихоньку пошла вперёд, чтобы не мешать.

Вскоре они меня нагнали. Нетта ехала у Чезаре на спине, обнимая его за шею и обхватив ногами. Тот нарочно наклонялся то в одну сторону, то в другую, и подруга весело визжала. Их счастье брызгало во все стороны, освещая дорогу лучше любых фонарей, и рядом с ними мне тоже стало теплее.

* * *

Домой я заскочила лишь затем, чтобы наследить на кухне и создать видимость состоявшегося завтрака. Накануне я предупредила бабушку, что лягу спать пораньше, и поднялась к себе, а четверть часа спустя незаметно выскользнула из дома, когда пришла Флорис Кранах. Визиты дородной соседки с каменным перманентом обычно затягивались — обе состояли в городском Совете и всегда находили общие темы для бесед, — поэтому можно было не опасаться позднего визита бабули в мою комнату.

Я выудила из холодильника пару батончиков мюсли в соевом шоколаде, банан, остатки вчерашних сырников (проверенных) и сложила добычу в сумку для нас с Неттой. Еда у подруги водилась либо редко, либо специфическая вроде обёрнутых в водоросли рисовых

шариков, гороховых котлет и колышущейся полупрозрачной массы, именуемой «гребешками». Понятия не имею, почему при таком ассортименте лавка, где она это покупала, считалась индийской.

Напоследок я черкнула бабушке записку, в которой сообщила чистую правду — что собираюсь встретиться с Неттой перед работой, — прижала её к холодильнику магнитом-жиром с пружиной вместо шеи и покинула коттедж.

Занималось раннее утро, и по небу скользили дымчато-синие облака. Бабушкины занавески на втором этаже были плотно задёрнуты, и я, поправив сумку, двинулась в ту часть города, где обитала подруга. Как ни странно, Нетта с Чезаре жили порознь, хотя оба снимали квартиры. Он не раз предлагал съехаться, но подруга упрямо отказывалась, заявляя, что слишком ценит свободу и не собирается лезть раньше времени в кабалу. Это не мешало им сутки напролёт торчать друг у друга.

Нетта снимала крошечную, но уютную мансарду над прачечной самообслуживания. Близость последней сыграла решающую роль в выборе пристанища, хотя минусов у него тоже хватало: летом крыша сильно нагревалась, и в июле — августе в квартирке было не продохнуть. Однако сейчас жара уже спала, а утро выдалось даже прохладным.

— Я спровадила Чезаре домой спать, — заявила подруга с порога вместо приветствия. У её ног вился иссиня-чёрный кот с прозрачно-голубыми, как кристаллики льда, глазами — тот самый Бальтазар. — Ему к девяти в автомастерскую, а толку от него в таком состоянии всё равно ноль.

Она растворила дверь шире и вернулась на кухню, где продолжила намазывать на хлеб зелёную комковатую пасту из вышеупомянутого индийского магазина, щедро зачерпывая её из банки. Сегодня Нетта тоже позаботилась о завтраке. На табуретке грелся стимпанковский чайник с патрубками и шестерёнками, который Чезаре собрал специально для неё: когда приходило время кипеть, он вращал зубчатыми колёсиками и с шипением выпускал пар из отверстий в основании платформы.

— Поставь в холодильник.

Подруга протянула банку, в которой так и осталась торчать ложка, разрешила готовые сэндвичи по диагонали и переложила на тарелку. Потом достала из шкафчика над раковиной две старбаксовские чашки, которые мы в шутку называли «тазиками», и налила мне кофе, а себе — крепкий зелёный чай. С учётом принесённой из дома провизии получился вполне приличный завтрак. Примостив его на поднос, мы прошли в комнату, где на столике напротив дивана лежал раскрытый ноутбук.

Нетта плюхнулась на сиденье, вбила пароль (нетта+чезаре=<3), отпила чай, поморщившись от горечи, и хрустнула костяшками.

— Ну-с, приступим!

За следующие полчаса мы облазили десятки сайтов, вводя различные комбинации запроса, но так и не приблизились к разгадке тайны Имельды.

В основном вылезали ювелирные магазины, сулившие кольца на любой вкус и палец, антикварные салоны и сайты-визитки мастеров, обещавших изготовить эксклюзив по нашим эскизам.

— А что, если правда самим сделать? — Нетта кивнула на экран, где светилось скидочное предложение.

— Не прокатит, — покачала головой я. — Мы понятия не имеем, как выглядит Кольцо, принц сразу распознает подмену.

— Он тоже мог забыть, — пожалала плечами подруга, — за столько-то лет... К тому же мужчины мало что в этом понимают.

Я вперилась в экран.

— Нам бы хоть крохотную зацепку, капельку информации!

Информации было сколько угодно, но ничего нужного. Имелъд в Интернете оказалось немереное количество. Среди них попалась даже парочка гадалок, обещавших снять с нас венец безбрачия, вылечить заговорами плоскостопие и наслать порчу на недругов.

— Представь заголовок на первой полосе «Вечернего Мистиктауна». — Нетта принялась выводить в воздухе воображаемую надпись. — «Главное событие года! Регина Санкёр покрылась бородавками прямо накануне Осеннего бала!». Не хочешь записать телефончик?

— Регина? Никогда о такой не слышала!

— Так держать!

Подруга хлопнула меня по спине, а потом себя по лбу и добавила к запросу имя принца. О Варлоге в глобальной сети тоже наскреблось негусто, и всё — сплошь официальные версии. За более подробной информацией посты отсылали в публичную библиотеку Мистиктауна, в закрытый раздел «архив».

— Ничего себе! — присвистнула Нетта. — А ты знала, что фундамент здания заложили ещё в пятнадцатом веке?

— В пятнадцатом веке уже были читательские билеты?

— Вряд ли, — хмыкнула она, откидываясь на спинку. — Здесь сказано, что раньше на этом месте было какое-то культовое сооружение, а библиотека и Цирцея Хук появились позже.

Наверное, библиотекарьше сейчас икнулось.

— Заскочу туда в обед, — решила я, поднимаясь.

— Цирцея не пустит тебя в архив.

— Попробую сперва в общем зале поискать.

Нетта с сомнением покачала головой и подхватила на руки трущегося о её щиколотку Бальтазара.

— Мы ведь уже пробовали четыре года назад, забыла?

— Помню, но вдруг что-то упустили, или появилась новая информация. Ладно, мне пора, а то влетит от Улафа.

— Я ещё посерфю, — кивнула подруга на экран. — Скину, если что-то найду.

— Договорились, до скорого.

— Виски...

— Да?

— Ты ведь не сделаешь какую-нибудь глупость?

— Глупость вроде обрить голову налысо или снова заказать роллы, которыми мы траванились в прошлый раз? Нет, обещаю воздержаться.

— Вроде повторной вылазки на кладбище и поисков принца в одиночку, — сурово сдвинула брови она, поглаживая Бальтазара, который тоже прожёт меня строгим взглядом. — У нас ещё есть время, что-нибудь да придумаем.

— В одиночку? Я? Пф-ф-ф! Увидимся позже.

На работе всё шло своим чередом, и это меня поразило. Почему-то казалось, что горожане должны чувствовать нависшую над ними угрозу, хотя умом я понимала, что они не могут про неё знать.

Марика протирала столы, несколько старшеклассников, прогуливавших школу, играли в бильярд в соседнем зале, госпожа Гримсен дожидалась своего стандартного завтрака — спагетти с тефтелями, — поглаживая сидящую у неё на коленях Пикси, а господин Улаф вёл оживлённую беседу с усатым господином в шляпе-канотье и полосатом пиджаке. Тот занимался поставками мебели и оборудования для точек общепита, и речь шла о новых крутящихся стульях для барной стойки. Оба с самым серьёзным видом рассматривали принесённый образец, словно в мире не было ничего важнее. Мужчина предложил опробовать его, и хозяин «Весёлого ворона» с готовностью примостил свой внушительный зад на обтянутое бордовой искусственной кожей сиденье.

— Чувствуете, как деликатно он подстраивается под вас? — порхал вокруг Полосатый. — С такого стула клиентам не захочется вставать, а значит, вырастет и выручка. Следовательно, вы только выиграете от подобного приобретения! Считайте, это не вы мне, а я вам плачу.

Я была единственной, кто подсчитывал утекающие часы, минуты и мгновения. Бал в пятницу, а сегодня уже вторник!

— Что с тобой?

— А?

— Ты всё утро поглядываешь на время и ни разу не перелистнула страницу, — нахмурилась Марика. — Мне уже три клиента пожаловались, что им принесли совсем не то, что они просили.

Я опустила глаза на свой блокнот, вместо заказов пестревший изображениями стрелок и курчавого ворона с непомерно огромными лапами.

— В общем, меня не волнует причина. Просто разберись с этим и начинай уже работать. У меня самой клиентов по горло, — напарница обвела рукой свою половину зала. — Не могу заниматься ещё и твоими.

Тут я вспомнила, почему Марику в нашем городе называют язычницей: она знает всё про всех и с готовностью делится информацией. А в моей ситуации любые средства хороши.

— Постой, Марика... Ты когда-нибудь слышала о жительнице Мистиктауна по имени Имельда? У неё ещё было необычное кольцо...

— Имельда? — Марика призадумалась: — Нет, не припоминаю, а что за кольцо? — Во взгляде вспыхнуло любопытство.

— Да так, ничего особенного: какие-то детские сказки про то, что оно якобы обладает магическими свойствами и прочее. Ты ведь в курсе, что Нетта хочет открыть эзотерическую лавку? Сейчас как раз продумывает ассортимент, а я ей помогаю — ищу необычные вещицы с историей. Где-то слышала про это украшение, вот и подумала, что ты можешь знать подробнее.

— Понятненько, — протянула Марика и странно прищурилась. Тут повар выкрикнул её заказ, и напарница поспешила забрать лазанью для четвёртого столика.

Через десять минут Флорис Кранах поблагодарила меня за яичницу с беконом и

спросила, правда ли я ищу перстень с мистическими свойствами. Она и сидящая напротив соседка с крючковатым носом и совиными глазами жадно вперились в меня.

— Вы что-то про него знаете?

Женщины переглянулись. «А ты не верила», — говорил полный торжества взгляд госпожи Кранах. Она покачала головой.

— Впервые о таком слышу.

В течение следующего часа ещё несколько человек обратились ко мне с аналогичным вопросом, при этом, казалось, ответ их мало интересует. Зато все пристально всматривались в моё лицо, словно пытались в нём что-то прочесть.

Когда меня окликнули в двадцатый раз, терпение лопнуло.

— Да, я ищу волшебное кольцо! Сдайте меня в Азкабан! — резко развернулась я.

Худощавый блондин в куртке полузащитника попятился.

— Э-э, вообще-то я кетчуп хотел попросить.

Я схватила с соседнего стола бутылку без этикетки, сунула ему в руки и решительно направилась к подсобке, на ходу сдёргивая передник.

* * *

Имевшихся в моём распоряжении сорока пяти минут перерыва с лихвой хватило на то, чтобы сбежать в библиотеку, просмотреть по диагонали предание про основание города, убедиться, что ничего нового не узнала, и поставить под сомнение все существующие легенды.

Принц Варлог из сказания совсем не походил на чудовище, с которым столкнулась я. Он был героем, который расшвыривал противников одной левой, галантно предлагал руку даме, не угрожая при этом расправой, а если и усмехался, то только в лицо Врагу, прежде чем дать ему в зубы.

Я вернулась к стойке и покашляла, привлекая внимание худощавой женщины лет сорока. На Цирцее Хук были удлинённые к вискам очки в бордовой оправе и строгий синий костюм, из тех что так ненавидит Нетта. Волосы скручены в раковину, а к лацкану прикреплён значок в виде букв «С» и «М», сколотых миниатюрным мечом. С дочерью Ариэль её роднили разве что феминистские взгляды.

Она неохотно подняла голову от книги в мягком переплёте. На обложке развратно улыбающаяся девушка разрывала рубашку на груди парня с подрисованными бицепсами прямо под заголовком «Невинная и обречённая».

— Что-то ещё, Финварра?

— Мне нужно в архив. Я прохожу дистанционные курсы для получения сертификата экскурсовода и выбрала в качестве темы итоговой работы историю основания Мистиктауна.

— Доступ в архив только с письменного разрешения мэра или хотя бы двух членов городского Совета, — отрезала она и снова углубилась в книгу.

— И это правило никак...

— Нет.

Я побарабанила ногтями по стойке и двинулась к выходу.

В городской Совет входили самые уважаемые жители Мистиктауна из числа семей-основателей, в том числе, как уже упоминалось, моя бабушка. То, что знал один, тут же

становилось достоянием всех. Обращение напрямую к мэру — главе Совета и по совместительству отцу Регины Санкёр — отчего-то казалось мне ещё менее перспективным.

Перерыв заканчивался, пора было возвращаться к работе. Уже переходя дорогу перед пабом, я заметила в конце улицы Ария. Он замер... и внезапно нырнул в ближайший проулок. Я остолбенела и целую минуту не могла сдвинуться с места. Он не имел права меня избегать! Ведь ни разу не дала повод: не заявлялась со скандалами в адвокатскую контору его отца, где он проходил практику, не дежурила возле дома, не провожала несчастными взглядами и не пыталась устроить «случайную» встречу в торговом центре, как предлагала Нетта, поначалу верившая, что Арий одумается. Даже не звонила ему, чтобы подышать в трубку, хотя руки чесались нажать быстрый вызов. Более того — стёрла номер из памяти телефона. Правда, из своей памяти стереть не получилось...

И вот теперь он ведёт себя как жертва навязчивого преследования!

Я влетела в паб и с силой захлопнула дверь. Господин Улаф оторвался от счётных книг и недовольно шевельнул усами.

Столы я драила с особым остервенением, представляя на их месте совесть Ария Лоска.
— Это правда?

Позади меня, держась за руки, стояли две девочки лет двенадцати в одинаковых голубых платицах с синими шёлковыми поясами и с заплетёнными в аккуратные косички волосами. Сестёр Моро так редко видели порознь, что к нам в прошлом году приезжал репортёр из столицы. Хотел взять интервью у «сиамских близнецов» и остался весьма разочарован, узнав, что сёстры не то что не сиамские, но даже не близнецы, а погодки. Того, кто его дезинформировал, можно понять: девочки даже говорили хором.

— Что конкретно?

— То, что все обсуждают! — громко ответили Лила и Лайла.

Разговоры стихли, взоры обратились к нам.

— А именно?

— Что у тебя окончательно съехала крыша от любви к Арию Лоску, — продолжили они хором. — Ты собираешься сделать ему предложение и ищешь волшебное приворотное кольцо.

— Когда найдёшь, положишь в один из бабушкиных пирогов и скормишь Арию, чтобы он тоже в тебя влюбился, — сообщила Лила.

— А «Бентли» Регины Санкёр изрисуешь из баллончика или разобьёшь битой, — добавила Лайла.

Они перевели дыхание и вопросительно уставились на меня, синхронно моргая.

— Что скажешь?

Я посмотрела по сторонам и увидела, что остальные тоже ждут ответа. Так вот из-за чего они донимали меня полдня! Теперь понятно, почему Арий перепугался.

— Вы это репетировали?

Девочки переглянулись и помотали головами.

Тут дверь распахнулась, и в паб вошли пятидюймовые шпильки. Регина Санкёр собственной персоной, похожая на заблудившуюся кинозвезду в своём бежевом мини-платье и солнечных очках от Шанель. Она посмотрела вправо, влево, сквозь меня, сунула брендовый клатч под мышку и направилась к столику, провожаемая взглядами и шепотками.

В «Весёлом вороне» она появлялась лишь однажды — когда приходила убедиться, что Арий порвал со мной. В остальное время предпочитала обедать в фешенебельном местечке

под названием «Кэндис», где официанты носили белые перчатки, а посетителей встречал швейцар в ливрее.

— Хочешь, я?.. — предложила Марика.

Прежде чем сесть, Регина протёрла стол антибактериальной салфеткой и постелила на стул платок.

— Спасибо, но все знают, что это моя секция.

Я поправила бейдж и двинулась к ней.

— Ты сделаешь это прямо сейчас? — возбуждённо прошептала Лиля, шагая рядом. Лайла молча дышала в затылок.

— А ты видишь у меня в руках битую или баллончик?

Сёстры остановились, а я приблизилась к столику, вытащила блокнот и щёлкнула авторучкой.

— Добрый день. Что будете заказывать?

Регина даже не подняла глаз от меню, продолжая лениво перелистывать ламинированные страницы нарощенными когтями и морща носик:

— А съедобное здесь вообще есть?

— Могу позвонить в «Кэндис» и попросить оформить доставку сюда.

Она откинулась на спинку, усмехнулась и бросила меню на стол.

— Принеси фирменное блюдо. Надеюсь, это не жареный ворон?

— А что, ты на диете? Тогда подадим отварного.

Регина закатила глаза и уткнулась в инкрустированный стразами айфон. Пожиривший её влюблённым взглядом Эмос Страйк за соседним столом чуть шею не сломал, пытаясь заглянуть в экран. Когда я отворачивалась, он, прикрыв глаза, вдыхал запах её волос.

К заказу Регина так и не притронулась, зато за свой недолгий визит успела обнаружить в гарнире невидимую муху, разбить два бокала, стоимость которых вычитают из нашего жалованья, и «совершенно случайно» опрокинуть на меня плоскую тарелку с соевым соусом.

Сидевшим вокруг не хватало только попкорна.

Под конец к нам даже господин Улаф подошёл.

— Всё в порядке, госпожа Санкёр? Надеюсь, вы теперь чаще будете к нам заглядывать?

— Увы, мне не стать постоянной клиенткой, пока у вас такая нерасторопная услуга.

Регина вытянула ногу, отчего на лбу хозяина «Весёлого ворона» и половины сидевших в зале мужчин выступила испарина, и продемонстрировала каплю соуса на кончике туфли. Остальные двести миллилитров расплзались по моей футболке.

— Обувь мне привезли из Италии, — пожаловалась она. — Спецзаказ.

— Виски будет оштрафована, а я приношу извинения от имени всего заведения. Обед, разумеется, за её счёт.

Я оставила попытки оттереть пятно.

— Что?!

Регина обворожительно улыбнулась:

— Тогда добавьте к заказу ещё оленину под брусничным соусом и мерло тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. И вы слишком добры. Папа рассчитал нашу последнюю горничную, когда та забыла поменять воду в вазах.

Она убрала ногу обратно под стол под сожалеющим взглядом господина Улафа, вытерла пальцы о салфетку и поднялась. Хозяин «Весёлого ворона» пошёл провожать её до дверей, а я так и осталась стоять на месте, в грязной футболке и ограбленная на половину месячного

заработка. Эмос Страйк быстро шагнул к столу, сунул использованную салфетку в нагрудный карман и тоже поспешил на выход. Наверное, у него дома есть целый алтарь, посвящённый Регине.

Когда дверь за клиенткой закрылась, улыбка сбежала с лица босса. Он побагровел и двинулся на меня.

— Что за цирк ты весь день устраиваешь?!

— Вы правда оштрафуете меня из-за неё? Вы же видели, что она делала это нарочно! Любой подтвердит!

Головы отвернулись, разговоры тут же возобновились. Представление закончилось, наступила неинтересная часть.

— С меня хватит, Финварра! Ты получила работу только потому, что бабушка за тебя поручилась. Не испытывай моё терпение. Марш домой, отстранена до конца недели без оплаты.

— Но...

— Живо домой! — рявкнул он.

Я сорвала передник, кинула его на стол, быстро сменила в подсобке испачканную футболку на чистую и, подхватив сумку, бросилась к выходу.

Обойдя здание с торца, швырнула баул на землю и принялась яростно пинать куст.

За спиной послышались шаги.

— Виски...

— Что?! Тоже хотите спросить меня про кольцо и битую?

Обернувшись, я закрылась пятернёй от солнца.

Госпожа Гримсен приподняла брови, и гнев как рукой сняло. Я устало провела ладонью по лицу.

— Простите, трудный день.

— Слышала, ты хотела попасть в архив?

— Да, но мне отказали...

— Члену Совета Мистиктауна не откажут. — На ленте шляпки блеснул значок: буквы «С» и «М», сколотые миниатюрным мечом.

Госпожа Гримсен наклонилась, подхватила Пикси и, не оборачиваясь, зашагала в сторону здания из серого камня с портиком и колоннами.

Я забрала сумку и поспешила за ней.

* * *

— Почему вы мне помогаете? — любопытствовала я по дороге. — Думала, вы с бабушкой на ножах или вроде того.

— Так и есть, но это касается только нас с Брунгильдой, ты тут ни при чём. — Морщинистая рука потрепала лохматый комок. — Подавая нам с Пикси завтрак, ты никогда не забываешь попросить повара полить спагетти её любимой рыбной подливой.

Никогда бы не подумала, что именно Пикси буду обязана доступом к закрытым документам.

При виде меня Цирцея Хук нахмурилась. Моя провожатая чопорно поприветствовала её и добавила:

— С Виски вы уже сегодня здоровались. Оформи-ка ей пропуск в архив.

Библиотекарша поправила очки и скрестила руки на груди.

— Ты знаешь, что это против правил, Друзила. Нужно разрешение хотя бы двух членов Совета, — она выразительно постучала ногтем по значку на своём лацкане.

Госпожа Гримсен бережно опустила Пикси на стойку и ткнула в непреклонного стража пальцем.

— Я скажу тебе, что против правил, Цирцея Хук. Использовать рабочее время в личных целях, вот что! — И прежде чем та успела помешать, схватила со стола пёстрый томик, потрясая им. — Или хочешь, чтобы все в городе узнали, кто скрывается под псевдонимом Анна Жар?

На щеках библиотекарши вспыхнули ровные, как нарисованные, круги румянца. Она отняла книгу и затолкала её в ящик стола.

— Ты забываешь, что я тоже вхожу в Совет.

— Ты забываешь, что я заместитель председателя.

Госпожа Хук поджала губы и нехотя повернулась ко мне:

— Какие материалы ты ищешь?

— Всё, что связано с основанием города. Ещё мне нужны копии церковно-приходских книг с именами жителей Мистиктауна.

— За какой срок?

— С самого начала.

Я постаралась придать лицу максимально невинное выражение под пристальными взглядами двух женщин. Библиотекарша сняла с крюка связку ключей на медном кольце и направилась к спуску в подвал.

— У тебя ровно три часа, Финварра.

Лестница закончилась перед стрельчатой дверью, окованной поперечными медными полосами с заклёпками. Цирцея вставила ключ в скважину, провернула на два оборота, и в лицо пахло книжным развалом.

Щёлкнул выключатель, и пространство залил жёлтый свет под дребезжание лампочки. Помещение оказалось на удивление просторным и тянулось вглубь, где темнели архивные стеллажи. Кованая ажурная лестница штопором вела на второй этаж, где за перилами галереи книжные шкафы продолжались.

В центре на возвышении стоял стол длиной метра четыре, окружённый стульями с высокими спинками. В углу пылился антикварный глобус из красного дерева, а рядом — старенький компьютер, смотревшийся здесь до странного неуместно. Листок на погасшем экране гласил, что он не работает.

Никаких обоев, стены были сложены из весьма старых на вид глыб — таких, что сразу веришь: они действительно сохранились с пятнадцатого века. Правую почти целиком закрывала фреска, на которой персонажи обоёго пола в старинных одеждах сидели за тем самым столом в центре. На женщинах были платья со шнурованными рукавами, конусообразные и рогатые головные уборы, а мужчины щеголяли квадратным кроем одежды с непропорционально большими плечами и смешной обувью: носки башмаков достигали такой длины, что владельцам приходилось пристёгивать их к щиколоткам цепочками. Члены первого Совета, догадалась я.

Дома на каминной полке у нас стоит фотография с точно такой же композицией. На ней запечатлены участники нынешнего городского Совета, включая бабушку. Она одета в строгое чёрное платье с круглым белым воротничком, украшенным нежно-розовым овалом камеи, волосы собраны в пышную причёску в форме гриба, а ладони чинно лежат на коленях. По правую руку — мэр, по левую — Друзила Гримсен, позади — госпожа Кранах и совсем ещё юная Цирцея.

Госпожа Хук указала мне нужные стеллажи, проинструктировала, как следует обращаться с книгами до тысяча девятисотого года, и выдала специальные перчатки и лопатку, чтобы переворачивать страницы. Перед уходом забрала мобильник, лишив возможности фотографировать, и зажгла на столе красную трехчасовую свечу, сообщив, что такими раньше отмеряли время в монастырях. Когда я сказала, что у меня есть наручные часы, конфисковала и их.

Оставшись одна, я выбрала со стеллажей первую партию фолиантов и, не мешкая, приступила к делу. Компанию мне составляли только обитатели фрески. Имелась в ней какая-то странность, но разбираться ещё и с этим было некогда. Очень скоро руки в перчатках вспотели, а снять их я не решалась. Наверняка Цирцея по возвращении с лупой проверит, не осталось ли жирных пятен.

В представленных материалах сконденсировалась вся жизнь обитателей Мистиктауна с ранних времён и до наших дней. Заметки путешественников с рисунками на полях, планы застройки города, купчие на землю, счётные книги и протоколы судебных заседаний (я-то раньше наивно считала суды над котами и козами прерогативой местечек вроде Салема). Работу существенно тормозили устаревший язык и необходимость переворачивать страницы лопаткой.

Минут через десять на лестнице снова зацокали каблуки. Вернувшаяся библиотекарша протянула мне распечатки церковно-приходских книг, окинула внимательным взглядом помещение, но, не найдя, к чему придраться, выплыла царственной походкой. Я немедленно отложила инструмент и содрала перчатки. Если к субботе в городе не останется жителей, упрекать меня за испорченные страницы всё равно будет некому.

Столбик свечи сокращался, как в ускоренной перемотке. При таком раскладе не хватит времени просмотреть и десятую долю отобранных материалов, поэтому, отложив талмуды, я взялась за распечатки. Палец лихорадочно забегал по столбику имён на букву «И». Внутри нарастало отчаяние: Ивона, Игрейн, Изидора, трижды Илина. Разок в глазах потемнело от радости, но преждевременно — Имелинда.

Потерев веки, я поднялась из-за стола и принялась мерить шагами архив, чувствуя, что упускаю что-то важное. Помассировала переносицу, пытаюсь сосредоточиться.

То, что я ищу, сокрыто, значит, это тайна. Где лучше всего спрятать тайну? Помню, на мой одиннадцатый день рождения я, Нетта, Чезаре и бабуля играли в «Отыщи клад». Дольше всего мы искали воланчик, который бабушка спрятала на самом видном месте, небрежно прикрыв шляпой. В тот день я усвоила важный урок: иногда надёжнее прятаться на виду. Вдруг и здесь этот принцип работает? Если так, то искать Имельду под обложками архивных книг бесполезно. Задача гораздо проще и одновременно сложнее, потому что нужно абстрагироваться и посмотреть на всё другими глазами.

Я вновь прошлась взад-вперёд и в задумчивости остановилась перед фреской, пытаюсь понять, что же с ней не так. Композиция? У кого-то дырка на чулке? Оба башмака на левую ногу? Хм, похоже, у них вообще нет деления на левый и правый башмак, но в какой-то передаче рассказывали, что так раньше и носили, значит, это тут ни при чём. Тогда что?

— Вы члены первого Совета, — заметила я вслух. — Вы должны знать про Кольцо Имельды, так подскажите! Клянусь сделать всё возможное, чтобы помешать планам Варлога! Но без помощи мне не обойтись.

Пятеро участников продолжали взирать на меня, как и положено рисункам, безмолвно и равнодушно. Я поочерёдно взглянула на каждого, вздохнула и уже хотела отвернуться, но замерла, поражённая. Вот оно! Деталь, не дававшая покоя. Все смотрели в одну точку — все, кроме кругленького мужчины в подбитых мехом одеждах и берете с соколиным пером. Он вперился во что-то на противоположной стене. Проследив траекторию, я подошла к массивному светильнику с цветными стёклами.

Справа и слева имелись точно такие же, но героя настенной росписи интересовал почему-то именно этот. Внешний осмотр не выявил ничего особенного, поэтому я осторожно сняла его с крюка и поставила на пол. Ничего похожего на вмонтированный сейф, скважину или цифровой замок не увидела. Только более тёмный участок стены, что логично, раз здесь долгое время висел фонарь. Я уже хотела вернуть его на место, но напоследок ощупала камень и была вознаграждена, наткнувшись пальцами на едва заметную выпуклость. Счистив грязь, почувствовала, как сердце забилось чаще. Под ней пряталась буква. Да, та самая литера «И».

Вооружившись книжной лопаткой, я принялась активно расширять щель по периметру блока. Пришлось повозиться, но в итоге камень зашатался и поддался с неохотным скрежетом, открыв глубокую нишу в стене. Дыхание перехватило, а по телу прокатился озноб. Тайник!

Закатав рукав и преодолевая брезгливость, я вытащила из него нечто мягкое и

плесневелое. Предмет оказался завёрнут в полуистлевшую мешковину. Для Кольца свёрток великоват, но, может, оно в шкатулке или каком-то футляре? Дрожа от нетерпения, я вернулась к столу и развернула ветошь. Внутри оказалась не шкатулка, а перехваченная шнурком тетрадь, на весьма хорошо сохранившейся кожаной обложке которой золотилась уже знакомая буква «И».

Ноги ослабли. Я плюхнулась на стул, подтянула к себе добычу и, волнуясь, развязала тесёмку. Похоже, блокнот пролежал здесь нетронутым с тех самых пор, как Имельда (а кому ещё он мог принадлежать?) его спрятала. Значит, о нём не знают даже члены нынешнего Совета! Придвинув ближе свечу, я раскрыла тетрадь в том месте, где выглядывала чёрная бархатная лента и... остолбенела.

Быстро пролистав её до конца, пару мгновений не шевелилась. Пусто. Пергаментные листы совершенно чистые — ни буковки, ни закорючки! Просто старые страницы, тонко пахнущие плесенью и чем-то пряным. Захотелось сжечь их с досады. Зачем Имельде так тщательно прятать пустую тетрадь? Может, она собиралась позже вернуться и заполнить её, но что-то помешало? Или это такой средневековый розыгрыш? Нет, опять что-то ускользает из виду. Я обвиняюще уставилась на толстячка на фреске.

— Вы! Наверняка ведь знаете, в чём тут дело. Сказали «А», так договаривайте!

В моргнувшем свете показалось, что мужчина закатил глаза. Свеча почти прогорела, минут через пять вернётся Цирцея, нужно закрыть тайник и привести всё в прежний вид. Вот только что делать с тетрадью: спрятать обратно или... Ведь если про неё никто не знает, то и вреда никому не будет, правда? А я дома попробую тщательнее исследовать её. Да, так и сделаю! Я потянулась к блокноту, воздух колыхнулся, и, отразившись от разворота, снова послал мне в лицо тот пряный запах. Что-то неуловимо знакомое, будто из детства. Приправа? Нет, скорее... глаза расширились от внезапной догадки. Я схватила огарок и осторожно поднесла к пергаменту. Запах усилился, а потом одна за другой начали проступать коричневатые буквы. Не приправа — луковый сок. Любой ребёнок знает навскидку пару рецептов невидимых чернил для сверхсекретных посланий: молоко, яблочный сок, лимонный или брюквенный — проявляются при нагревании.

Я принялась листать страницы, поднося свечу и любясь проступающей вязью символов. Внутри всё трепетало от восторга: казалось, ко мне из глубины веков обращается мягкий женский голос, только на иностранном языке. Буквы привычные, но ни одного знакомого слова. Старательные убористые строчки дразнят обманчивой доступностью, как одалиски — евнуха. Судя по датам, это дневник. Только кто же ведёт личные записи на тарабарщине невидимыми чернилами?

Приближающийся цокот выдернул меня обратно в реальность. Цирцея! Я потянулась захлопнуть тетрадь, но, так этого и не сделав, уставилась на только что проявленную страницу — ту самую, с бархатной лентой-закладкой: извилистые ниточки, чешуйчатый столбик, крестики, квадратики, пунктир... Шаги звучали уже где-то на середине лестницы. Сунув тетрадь под футболку, я рывком подняла глыбу, запихнула обратно в нишу, повесила фонарь на место и замела ногой горку грязи в тёмный угол за глобусом. Потом одним гигантским прыжком очутилась за столом, распахнула ближайшую книгу и постаралась принять сосредоточенный вид, как вдруг обнаружила, что держу её чёрными от грязи пальцами.

В тот миг, когда дверь архива открылась, моя затаенная в перчатку рука как раз потянулась, чтобы самым деликатным образом перевернуть страницу при помощи лопатки.

Предыдущий лист, вырванный и скомканный, покоился в правом носке ботинка. Библиотекарша обвела зорким взглядом помещение, задержала его на слегка покачивающемся фонаре и остановила на мне.

— Время вышло, Финварра. Пора наверх.

Я рассеянно заморгала.

— Как, уже? Надо же, а я так увлеклась... Потрясающе интересная книга!

Цирцея посмотрела на обложку и поджала губы:

— Она была бы ещё и полезной, если читать не вверх ногами.

Отклонив предложение помочь с водворением материалов на место, библиотекарша велела мне сдать рабочие инструменты и показать сумку.

Протягивая ей одной рукой раскрытый баул, второй я поглаживала под футболкой тетрадь, радуясь своей предусмотрительности.

* * *

Верхний зал оказался пуст, госпожа Гримсен и Пикси уже ушли, а на полу пролегли косые сиреневые тени. Стрелка часов показывала разгар вечера.

На крыльце я вдохнула полной грудью, прогоняя из лёгких подвальную пыль, снова пощупала находку под футболкой и поняла, что не дотерплю до дома. Осмотрев улицу, на другом конце которой болталась пара-тройка прохожих, юркнула в проулок, спряталась за мусорными контейнерами и извлекла тетрадь. С текстом разберусь позже: попробую отсканировать и прогнать через программу перевода, а ещё лучше попрошу помощи у Чезаре. Сейчас меня интересовал в первую очередь рисунок, больше всего похожий на какую-то схему или, скорее, карту. Так, волнистые линии — это улицы или реки, крестики... что могут означать крестики? А ещё этот ячеистый столбик и куст, помеченный жирной буквой «К».

Стоп. Да это же карта местности! И не нужно быть гением, чтобы понять, какой именно. Окрестности Мистиктауна!

В ту пору, когда она создавалась, города ещё не существовало, существовало поселение, и располагалось оно севернее, то есть ближе к башне. Вот что означает этот столбик! Итак, крестики — кладбище, а куст... — от напряжения перед глазами замелькали полосатые мушки, — куст, должно быть, растущий там дуб восьми метров в обхвате.

Пальцам требовалось движение, и я машинально включила мобильник. Тишину проулка тут же разорвал визг эсэмэсок: пять от обеспокоенной Нетты и две от Чезаре, которому Нетта велела узнать, где меня черти носят. Но никаких новостей по делу Имельды. Последнее сообщение от подруги информировало, что они с Чезаре сегодня ужинают у его родителей. Погипнотизировав мигающий экран, я набила, что направляюсь домой, и снова отключила сотовый. Это даже не было неправдой, я ведь действительно направляюсь домой, просто не по прямой. И, как и обещала, никаких глупостей. Я же не принца собираюсь искать, а всего лишь быстренько сбегаю к дубу. Ведь ясно как день, что за буква «К» под ним лежит! Беспокоить друзей, отрывая от семейного ужина, возможно, последнего в их жизни, нехорошо, а терять время — непростительно. Если повезёт, к тому времени, когда им подадут десерт, Кольцо уже будет у меня.

Дневник переключался в сумку, втиснувшись по соседству с позабытыми блинчиками, гриндерсы печально скрипнули, смиряясь с долгой прогулкой, а фонарь над головой мигнул:

то ли желал удачи, то ли сокрушался о безрассудстве.

Показавшиеся впереди надгробия выглядели декорацией к спектаклю про привидения. Ветер шевелил кусты, потряхивая паутину, и тихонько завывал в кронах. Могилу принца обнесли оградительной лентой — хорошо хоть не обвели контур тела мелом. Сейчас на этой ленте сидела сова и не мигая смотрела прямо на меня. Сова. Преспокойно сидела на ленте, которая и под воробьём нехило провиснет! Чудны дела твои, Мистиктаун!

Дуб рос немного левее. Лиственные облака приветственно зашелестели. Я пристроила сумку между чудовищного размера корней, разбегающихся во все стороны беспорядочными стежками, и отправилась в ветхую сторожку за лопатой. Когда вернулась, на ленте сидели уже три птицы. Янтарные глаза пристально следили за каждым моим движением. Тьфу, это самые обычные птицы, они не умеют следить!

Ещё раз сверившись с картой, я всадила лопату в землю. Если господин Улаф всё-таки уволит меня, как стабильно грозитя каждую неделю, всегда смогу устроиться копальщицей. Сноровка появилась, и даже мозоли уже наметились.

За работой я старалась не думать обо всех сообщениях и звонках, которые посыплются из телефона, когда снова его включу, и почти слышала бабушкин голос, кричащий из трубки, что приличные девушки после восьми вечера по кладбищам не шатаются. И вообще не шатаются. Как я сейчас от усталости.

То ли карта оказалась неточной, то ли я что-то напутала, то ли дерево имело привычку время от времени перемещаться, только пришлось окопать его по всему периметру, прежде чем наконец раздался глухой стук. Усталость мгновенно испарилась. Я утроила усилия и через считанные минуты опустилась на колени, раздвинула мягкую глинистую почву и рывком извлекла небольшой сундук размером с десятидюймовый ноутбук, хотя сомневаюсь, что внутри был именно он.

— Эй, вы это видите?! — возбуждённо обернулась я к совам.

Дюжина пернатых (нет, ну как они не скатываются друг к дружке?) согласно загалдела, захлопала крыльями, призывая меня не медлить. Кажется, я теперь даже птичий язык понимаю.

Как могла, я отёрла сундучок влажными салфетками, истратив почти всю пачку, и с колотящимся сердцем поставила его на землю перед собой. Без слоя грязи он оказался настоящим произведением искусства: треугольная крышка-домик, клёпаные железные полоски в форме лилий и узоры, напоминающие витражные оконца. Дерево прекрасно сохранилось. Настолько прекрасно, что тут пахло магией. Я нервно хихикнула. Работа талантливого мастера, в которую он вложил душу. Не хватало только одной крохотной детальки — замочной скважины.

— Ну почему это никогда не бывает просто? — пожаловалась я птицам.

Тщательный осмотр, разжёгший во мне азарт кладоискателя, выявил нечто вроде тонкой планки на верхнем ребре крышки, прикрывающей узенькую щель во всю длину ящика, в которую разве что металлическая линейка пролезет. Линейки у меня с собой не было, ногтям она не поддалась, а сучок сломался. Я вытряхнула вещи из сумки, ища что-нибудь подходящее. Так... ключи с брелоком, гигиеническая помада, жвачка — всё не то. Налетевший ветерок зашелестел страницами дневника, подхватил чёрную бархатную ленту и, покружив, мягко опустил на крышку. Хм, а это мысль!

Вытерев пальцы последней салфеткой, я взяла закладку за оба конца, поднесла к щели и едва не выронила, когда одна из птиц надрывно предостерегающе каркнула, сверкнув глазищами.

— Не волнуйся, единственный, кого стоит опасаться, — это принц. А раз Имельда добровольно не отдала ему Кольцо, значит, они по разные стороны баррикад.

Я уверенно протолкнула натянутую ленту в щель сверху вниз, по-прежнему держа за оба конца, но ничего не произошло. Тогда провела ею, как при оплате картой через платёжный терминал в супермаркете. Раздалась серия сухих щелчков невидимого механизма, покрутились зубчики, сработали пружины, и крыша домика послушно развалилась надвое, открыв взору спрятанные богатства. Я нетерпеливо запустила руку внутрь, зачерпнула тускловатый порошок, похожий на крупную пыль, и недоумённо высыпала обратно. Потом хорошенько пошарила в нём, но единственным содержимым сундука оказался этот странный песок. Горло сдавило от разочарования. Тогда что означала буква «К»? А эта Имельда была женщиной с огоньком: не искала простых путей ни для себя, ни для других.

Внезапно подул сильный ветер и принялся с шорохом закручивать листву, луна скрылась за облаками, поднялся галдёж: птицы с пронзительными криками сорвались в небо и, ожесточённо плеская крыльями, сгнули в его необъятной чернильной пасти. Стало неуютно так, как только может быть неуютно безлунной ночью в одиночку на кладбище. Вот теперь точно пора домой.

Я поскорее сложила крышку, прижала ларец к груди и понесла закапывать обратно (если встреча с принцем меня чему и научила, так это тому, что некоторым вещам лучше оставаться под землёй), но в потёмках запнулась о корень и упала. Сундук выскользнул из рук и опрокинулся набок, песок хлынул на траву, а я пребольно ударилась коленом. Но тут же вскочила, вернула ящику устойчивое положение и принялась перекаладывать в него ладонями просыпавшийся порошок.

Вдали завыл волк, пальцы задрожали, а ветер всё крепчал, превращаясь в шквалистый. Дверцы склепа с фигурой ангела заходили ходуном, закрипели цепи ограждений, а в ближайших зарослях затрещало, как если бы через них продирался кто-то огромный и опасный. Под раскидистым кустом вспыхнули два жёлтых глаза, и на меня попёрла, угрожающе сопя, коренастая тень.

Я попятилась на локтях, сдерживая икоту, подхватила с земли ветку и выставила, как оружие. Выступивший вперёд енот обнюхал её без особого интереса и поспешил к вывалившимся из моей сумки вафлям. Нервы сдали окончательно. Я побросала вещи обратно в котомку и, пообещав ларцу, что вернусь завтра и закопаю его при свете дня, побежала к шоссе.

* * *

Сундучок взмыл в воздух, словно вздёргнутый невидимой рукой. Остатки золы со дна и земли тоже устремились вверх и закружились, образовав мерцающую воронку, в центре которой вспыхивали лимонные и изумрудные молнии. На фоне сгустившейся ночной тьмы она сверкала так, словно притянула весь свет звёзд. Внутри проступил силуэт, быстро обретая плотность. Ещё несколько мгновений над верхушками деревьев пылало зелёное зарево, а потом безобразие прекратилось так же внезапно, как началось.

Необычный ветер стих, пустой сундучок с глухим стуком упал на землю, а луна с облегчением вылезла из шубы облаков, пытаясь протиснуться между деревьями и разглядеть виновника шумихи. Разглядев, порозовела и деликатно спряталась обратно.

Если бы енот умел визжать или терять сознание, он бы непременно это сделал, а так только с писком выронил вафельку и опрометью бросился к кустам, чтобы рассказать своей семье о самом ужасающем и потрясающем зрелище, свидетелем которого только что стал.

* * *

Надежда на припозднившуюся попутку, которая подбросит меня до Мистиктауна, не оправдалась: шоссе стелилось безлюдной полосой. По закону подлости сотовый не ловил связь, а поля накрыла тишина, которую в триллерах принято называть зловещей.

Чтобы подбодрить себя, я включила плей-лист на мобильнике и принялась подпевать в голос. Наши совместные с Энрике Иглесиасом усилия разносились далеко вокруг, прогоняя тишину, страх и всех, кто не переваривает попсу. Несколько треков спустя тянуть под ложечкой перестало, и вернулась способность мыслить логически. И чего я так перепугалась? Ну ветер, ну птицы, ну волк за много миль отсюда... Ничего такого, из-за чего стоило бы улепётывать сломя голову.

Жаль, перекусить нечем. От пережитого стресса на меня напал зверский аппетит. Но вафли достались еноту, а контейнер с блинчиками я вытряхнула из сумки вместе с остальными вещами, когда искала, чем бы открыть сундук, и второпях забыла на земле.

Лиричная композиция сменилась подборкой саундтреков из «Эскалибура», обожаемого Неттой, которая фанатела от Артурианы. Наверное, поэтому новый звук сперва не показался мне странным — я попросту посчитала его частью композиции. Прошло некоторое время, прежде чем до меня дошло, что дробный стук планомерно приближается, причём не из динамика, а откуда-то из-за спины. Обернувшись, я так и застыла на месте с отведённым в сторону телефоном.

По шоссе прямо на меня под эпичные звуки Осады Камиларда нёсся всадник. Это был мужчина моложе тридцати. Луна подчёркивала рельефы накачанных мышц, бедра уверенно сжимали лоснящиеся бока серого коня, а прямые пепельные волосы были собраны сзади. Когда он мельком обернулся через плечо на затихающий вдали волчий вой, стало видно, что связаны они в небольшой хвост и скреплены ленточкой с развевающимися концами.

Одной рукой незнакомец уверенно держал животное за гриву, поскольку ни уздечки, ни даже седла не имелось, а во второй сжимал — я даже на всякий случай, проморгалась — блинчики и с нескрываемым удовольствием отрывал от них зубами огромные куски.

Тут на луну напоззло облако, и конь под всадником исчез. По-прежнему слышался звонкий стук копыт об асфальтовое покрытие, а сам мужчина не изменил положения, удерживая невидимую гриву и, судя по всему, не испытывая никаких неудобств. Через мгновение пелена схлынула со светила, и округу вновь затопил мягкий лунный свет, в серебряной пыли которого возник конь.

Надо было отпрыгнуть на обочину. Или попытаться скрыться. Или завизжать. Или метнуть во всадника сумкой. Ну хоть что-нибудь сделать! Но я стояла, как громом поражённая, и не шевельнулась даже тогда, когда мужчина свесился прямо на скаку, обхватил меня за талию и без малейших усилий затащил в седло, усадив боком, практически к себе на

колени.

Впервые в жизни я оказалась верхом на лошади, скачущей во весь опор, а не позирующей за два фунта в дурацкой ярмарочной шляпе фотографу. Впервые меня так откровенно вжимал в своё тело незнакомый мужчина. И уж совсем незабываемые мгновения я испытала, когда луна снова отлучилась за облака и лошадь под нами ненадолго исчезла, открыв проносящееся шоссе. Правда, я продолжала чувствовать разгорячённые бока и слышала хриплое дыхание.

Наконец мы начали замедляться, свернули на обочину и остановились. Конь тут же опустил голову и принялся пощипывать жухлую, в придорожной пыли, траву, а я, потеряв последнюю опору в виде гривы, схватилась за мужчину. Он отнюдь не возражал. Только слегка отодвинулся, чтобы меня рассмотреть. Я тоже всю на него таранилась — не потому что очень хотелось, просто глазные яблоки парализовало точно так же, как совсем недавно ноги на шоссе, и даже под страхом смерти не получилось бы сейчас моргнуть.

Свет от экрана мобильного услужливо упал на лицо всадника чуть ли не лучом прожектора, позволяя разглядеть подробности. Вблизи незнакомец оказался ещё моложе, чем показалось вначале, и, надо признать, не лишённым привлекательности. В дополнение к пепельно-русый волосам глаза у него были лучисто-серыми, как подтаявший горный снег — по крайней мере, при таком освещении. Картину довершали прямой, с тонкими крыльями, нос, скульптурные скулы и плотно, но не сурово сжатые губы — нижняя чуть полнее верхней. Складки в углах рта говорили о том, что улыбаться он тоже умеет.

Всадник перестал щуриться, и возле глаз стали видны незагоревшие ниточки кожи. Лунные блики благоговейно гладили широкий разворот плеч и каждую мышцу его подтянутого тренированного тела, а в придерживающей меня руке чувствовалась недюжинная сила. Опасность и обаяние окружали его почти осязаемым коконом. Все эти детали механически впитались в меня, минуя сознание, по-прежнему пребывающее в коме.

Мужчина, в свою очередь, тоже присматривался ко мне: обежал глазами сбившуюся одежду, с любопытством и лёгкой опаской покосился на продолжающий горланить мобильник, задержался на торчащих во все стороны кудряшках и чуть заметно кивнул, словно уяснил для себя некий вопрос. Потом закинул в рот последний шмат блинчика, звучно облизал каждый палец и поинтересовался густым мелодичным голосом:

— Хочешь о чём-то спросить, ведьма?

Язык шевельнулся, оттаивая.

— Да, — пролепетала я, облизнув пересохшие губы. — Почему вы голый? Ну, не считая ленточки в волосах...

И неожиданно для самой себя громко завизжала.

Мой вопрос поставил незнакомца в тупик. Он словно впервые заметил, что на нём ни единой нитки, и чуть нахмурился.

— Сие мне неведомо... Покорнейше прошу простить, если моё тело оскорбляет твой взор.

Оскорбляет?! Неужто на свете найдётся хоть одна безумица, которую оскорбит это анатомическое совершенство, прижимающееся горячим бедром? Но смущает — да. Я старалась не опускать взгляд ниже его шеи, но некстати отяжелевшие глаза то и дело норовили нырнуть не туда.

Лёгкая растерянность в голосе незнакомца придала мне сил.

— Наверное, вы где-то оставили одежду? — подсказала я, чуть отвернувшись.

— Должно быть, оставил, — последовал неуверенный ответ.

— А... а откуда вы приехали?

Он широко улыбнулся, радуясь, что наконец может ответить, и махнул через плечо.

— Оттуда.

— То есть из соседнего Казан-Нова? Или вы имеете в виду железнодорожную станцию? Или...

Я поперхнулась, потому что все разрозненные подмеченные, но не обдуманые детали внезапно прилепились к мозгу, как железная стружка к магниту.

Указанный загадочной Имельдой ларец; странный ветер; бабушкины фирменные блинчики — я узнаю их по запаху корицы; проявляющийся в лунном свете конь; обнажённый красавец с отшибленной памятью; ленточка — готова поклясться, та самая закладка! Назвал меня ведьмой

Неужто... неужто...

Я смотрела на всадника, хватая ртом воздух. Вспомнила вдруг, как бесцеремонно шарила в сером «порошке», и к щекам прилила кровь. Может, тогда-то случайно и просыпала его одежду... заодно с седлом, конской сбруей и памятью.

— Кто вы? — выдавила я еле слышно скорее самой себе, но незнакомец приосанился, словно услышал звук боевых труб, и окинул зорким взглядом пустынные поля и огни города вдалеке.

— Я Охотник!

— И на кого же вы охотитесь? — удивилась я.

— Сын Шакала! Где он?

— Какого ещё шакала? У нас тут шакалы не водятся, только мелкие грызуны и волки, но они не подходят близко к городам. И у вас есть лицензия на охоту? А то суперинтендант Стоун в этом плане очень строг, загребёт ещё в обезьянник, а там Чокаш — он любит распахивать плащ в парке, если вы понимаете, о чём я.

— Я о том звере, что о двух ногах, — отмахнулся мужчина и пошарил рукой, словно искал притороченное к седлу оружие. Не обнаружив ни того, ни другого, снова слегка растерялся.

В голове блеснула догадка. В моей голове сегодня вообще то и дело блестело.

— Вы о... п-принце Варлоге? — икнула я.

— Сие прозвание дано беззаконнику при рождении, — согласно склонил голову

собеседник. — Так ты отведёшь меня в его лагерь, дабы я вырезал лиходею сердце и скормил псам?

Скормил сердце или лиходея? Но поинтересоваться я не успела, потому что в этот момент конь оторвался от травы, насытившись, и резко вскинул голову. Меня буквально швырнуло на Охотника. Скорость, с какой он раскрыл объятия, выдавала обширный опыт подхватывания девиц. Тугие мышцы сомкнулись вокруг жарким пленом, а лицо щекотнула выбившаяся из его хвоста прядь. Пахло от кожи приятно. Ничем определённым, но при этом... очень мужским.

Чувствуя, как лицо и шею по самые ключицы заливают проклятие рыжих, я неловко отодвинулась, упёршись ему в грудь, и словно со стороны увидела происходящее: сижу ночью верхом на призрачном коне рядом с голым незнакомцем и веду беседу о шакалах. Нам только чашечек чая с бисквитами и оттопыренных мизинцев не хватает.

Для начала нужно привести в порядок мысли, а для этого — обрести почву под ногами. Я шевельнулась, и мужчина, угадав намерение, первым спрыгнул на землю. Протянул руки и легко, как пушинку, снял меня и поставил рядом. Росту во мне резко поубавилось, а нос теперь торчал на уровне его груди, поэтому я разглядела то, что ранее упустила под впечатлением от других м-м-м-м... деталей — давний затянувшийся шрам под правым ребром.

— Что это? — Подушечки пальцев невольно пробежались по скверно выглядящему рубцу, который мог оставить какой-нибудь неаккуратный скальпель... или нож.

Охотник тоже взглянул и небрежно провёл ладонью, будто смахивал прилипшую сорину:

— А-а, какая-то царапина. Даже не помню, где получил.

— От таких царапин обычно умирают, — заметила я, не успев подумать.

— Но я же ныне здесь, следовательно, уязвление плоти вышло пустяковым.

Я не стала спорить. Тем более что обсуждать чужую плоть в нынешних обстоятельствах показалось не слишком-то приличным.

— У меня к вам столько вопросов! Но для начала вот, — я быстро скинула джинсовую куртку и протянула ему, — не могли бы вы прикрыть этим свою э-э-э... плоть.

Когда куртка перекочевала на его бёдра, оказавшись короче, чем хотелось бы, но так или иначе избавив меня от неловкости, разговор потёк свободнее.

— Мой дом вот там, — указала я на абрис крыш на фоне фиолетового неба с алмазным крошевом звёзд. — Мне уже давно пора вернуться, поэтому давайте обсудим ситуацию с принцем Варлогом по дороге.

Мужчина, подумав, кивнул, и мы двинулись в сторону Мистиктауна. Сотовый, натужно сплюнув последнюю ноту, сел, и вокруг снова воцарилась тишина, прерываемая лишь потрескиванием проводов на линиях электропередачи вдоль шоссе, шорохом моих подошв, потому что босой Охотник ступал беззвучно, и цокотом копыт трусившего позади коня, который, не изменяя своей особенностью, то исчезал, то появлялся в странной гармонии с луной.

— Итак, вы здесь из-за принца Варлога. Скажите, кто он такой? До недавнего времени я думала, что знаю ответ на этот вопрос, но, похоже, сильно ошибалась. Мы все ошибались.

В глазах мужчины снова загорелся воинственный огонёк. Рука рубанула воздух и сделала выпад, протыкая воображаемого противника воображаемым мечом.

— Он тот, кого мне надлежит найти и уничтожить!

— Это я уже поняла, но что ещё вам о нём известно? Почему он объят жаждой мести и

желает смерти жителям города? Что мы... то есть наши предки ему сделали? Они ведь любили и почитали его за своё спасение!

В серых глазах мелькнуло недоумение. Мужчина слегка сдвинул брови, напрягая память, и произнёс нараспев, будто повторяя чужие слова:

— Настанет час, и людское тщеславие подымет злыдня, тогда же и Охотнику надлежит восстать, дабы усмирить аспида — на сей раз навеки. Это всё, что мне ведомо, — добавил он уже обычным тоном. — Разве не для того ты пробудила меня, ведьма?

— Нет... то есть да! Конечно, именно для этого.

Говорить человеку, что он воскрес по чистой случайности, было как-то неловко. Тем более что наши цели в общем-то совпадали. Мне тоже предстояло обезвредить Варлога, прежде чем тот исполнит свою угрозу.

Скудость сцеженной информации удручала, и всё же выяснилось кое-что важное: дело не во временном помрачении принца или порче характера из-за долгого лежания под землёй — «злыднем» он стал гораздо раньше. Это и проясняло ситуацию, и ещё больше её запутывало.

Людское тщеславие — хмм... А ведь не вздумай я утереть нос всем сплетникам города и показать Арию, что он потерял, Его Злодейшество преспокойно почивало бы себе дальше... до тех пор, пока его не пробудило бы чьё-то ещё тщеславие. Так что не нужно слишком себя корить: веком раньше, веком позже, но пророчество так или иначе исполнилось бы.

— Вам знакома женщина по имени Имельда?

На лице Охотника снова отразилось напряжение, точно обращение к собственной памяти требовало от него невероятных усилий. Даже пот на висках выступил. На мгновение мне почудилась искра узнавания, его губы беззвучно шевельнулись, повторяя имя, пробуя на вкус каждую букву, ища внутри отклик, но потом глаза потухли, и он с искренним сожалением покачал головой.

— Впервые слышу.

— А про её Кольцо?

— Кольцо не должно попасть к Сыну Шакала! — немедленно отчеканил он.

Вот это уже интересно: не знает Имельду, но помнит, что должен оберегать её Кольцо от посягательств принца. Чем же оно настолько важно, что все с ним так носятся? Но, увы, после нескольких дополнительных вопросов стало ясно, что память Охотника не сохранила ничего, что могло бы пролить свет на ситуацию.

— А что с вашим конём? Он всегда так... мерцает?

Мужчина мельком обернулся и пожал плечами, не выказывая особого интереса.

— Ты, верно, что-то напутала, творя заклинание над Фениксом, ведьма, как и с моей одеждой. — Он склонил голову к плечу, изучая меня. — Ты очень юна и, должно быть, неопытна. В твоей деревне есть старшие ведьмы?

— Нет... хотя моя бабуля в некотором роде ведьма. Особенно когда я возвращаюсь домой поздно и не отвечаю по телефону.

Высокий лоб прорезали морщины.

— По чему не отвечаешь?

— По магическому способу сообщения, — я потрясла севшей трубкой. — И если не трудно, не называйте меня больше ведьмой.

— Почему? Тебя преследуют?

— Нет, но в наше время этот термин несёт несколько уничижительную коннотацию. —

Я тут же спохватилась и подозрительно прищурилась: — Постоите, вы назвались Охотником. Случайно не на ведьм? Как вы к ним — то есть к нам — относитесь?

В этот раз он не раздумывал.

— Ведьмы мне не враги, ве... — он осёкся. — Как мне тогда тебя называть?

— Виски Финварра, очень приятно. А вы помните своё настоящее имя?

Небольшая пауза, и снова пожимание плечами.

— Я Охотник.

— На крышке сундучка... то есть в том месте, где я вас оживила... была начертана «К».

Возможно, это первая буква?

— Всё возможно, ве... Виски Финварра.

— Тогда не возражаете, если мы придумаем вам имя? Похоже, вам придётся задержаться в Мистиктауне, и остальные — не ведьмы, я имею в виду — удивятся такому прозвищу.

— Делай, как считаешь нужным, Виски.

Я мысленно потёрла ладони и принялась перечислять варианты. Самые эффектные он, к моему огорчению, отверг. Под конец со скрипом сошлись на имени «Касинель».

— Не слишком оно женское, а, ведьма?

— Ничуть, — обиделась я, даже забыв поправить его. — Весьма и весьма мужественное!

Так звали героя одной из историй, которые мама рассказывала перед сном в те редкие недели, когда они с папой бывали дома.

Жаль, сглупила и назвалась своим настоящим. Надо было тоже выдать что-нибудь поярче, например Вероника или там Изольда. Изольда тянет на героиню, спасающую город от кровожадного принца, а вот Виски... место в пабе.

— Рада знакомству, Касинель.

— Для меня это честь, Виски.

Охотника, в отличие от остальных, ничуть не смутило и не позабавило моё имя. Он серьёзно и очень осторожно пожал мне руку, словно забыл, как это делается, или боялся ненароком навредить. По окончании официальной части путь возобновился.

— Так ты отведёшь меня к Сыну Шакала?

— Не могу.

— Если трепещешь пред ним, просто укажи направление. Остальное я сделаю сам.

— Не могу, потому что не знаю, где он, — пояснила я. — В последний раз, а это было вчера, видела его в башне. — Я ткнула через плечо в островерхую крышу, парящую над покачивающимися верхушками деревьев. — Но что-то подсказывает, что его там уже нет. А если и есть, то он умеет прятаться так мастерски, что его не найти, если принц Варлог сам того не захочет. И я не вижу для него причин хотеть встретиться с тем, кто жаждет его убить.

Касинель резко развернулся и зашагал в обратную сторону.

— Значит, мне туда.

— Ты что, не слышал? — Я догнала его и схватила за руку, сама не заметив, как переняла неформальное обращение. — Принц наверняка не будет сидеть и ждать, распахнув дублет на груди и подставив блюдечко, пока ты вырежешь ему сердце. Он очнулся на двое суток раньше тебя и тоже время зря не терял. Такие, как он, не идут в лобовое столкновение, уж поверь мне. Они плетут интриги, чтобы другие сделали всю грязную работу за них.

— Это не важно, мой долг — отправиться туда, — повторил упрямец, волоча меня по шоссе на буксире. Не помогали даже тракторные подошвы ботинок.

— Посмотри на себя, чем ты собрался его убивать? У тебя ни ножа, ни другого оружия. Или хочешь отвлечь его, эффектно сдёрнув с бёдер мою куртку? Тебе нужен план и помощь.

Я чувствовала непривычную ответственность за того, кого оживила. Не знаю, какой из аргументов возымел действие, но Касинель замер и развернулся, а я снова впечаталась ему в грудь.

— Хорошо, — он аккуратно отстранил меня. — Готов выслушать твоё предложение, Виски.

Предложение?

...Ты собираешься сделать ему предложение и ищешь волшебное приворотное кольцо. Положишь его в один из бабушкиных пирогов и скормишь Арию...

Я тряхнула головой.

— Для начала нужно тебя переодеть, вернее, одеть и придумать легенду — кто ты и что делаешь в Мистиктауне. Здесь даже мухи наперечёт. Часа не пройдёт, как о тебе станет известно всему городу. Сейчас уже поздно, но завтра утром я свяжусь с Неттой и Чезаре, и мы вместе решим, как быть. Они мои друзья, — пояснила я.

— Тоже ведьмы?

— Нет, ведьма здесь только одна.

Я выпятила грудь, испытав неожиданный прилив гордости и впервые в полной мере осознав открытие: я, всю жизнь считавшая себя обыкновенной чудаковатой неудачницей и паршивой овцой в стаде гениальных кулинаров, внезапно оказалась могущественной ведьмой, оживляющей древних красавцев и... случайно обрёкшей город на гибель.

Правда, внутри не ощущалось никаких изменений. Но кто его знает, должны ли они чувствоваться? В первую очередь стоит разобраться, как призвать дар в нужный момент. И почему он проявился только сейчас? Что ещё я могу? Вопросы сыпались один за другим, но поиск ответов пришлось отложить на потом.

— Твои сподвижники подсобят в поисках Сына Шакала?

— Сын Шакала не хочет, чтобы его нашли, а это значит, что вряд ли наши поиски увенчаются успехом. Но! — Я вскинула палец, предупреждая возражения. — Если не можешь найти человека, найди то, что ему нужно, и он сам к тебе придёт. Принц Варлог хочет заполучить Кольцо Имельды и поручил мне его отыскать, дав сроку до Осеннего бала, то есть до пятницы. Завтра среда, так что осталось совсем мало времени. Если мы найдём Кольцо и поймём, зачем оно принцу, наверняка сумеем сорвать его планы.

Говоря всё это, я мягко увлекала Касинеля по направлению к городу. Феникс, невозмутимо ждавший итога препирательств, тоже возобновил движение.

— Тогда город снова будет в безопасности, а ты...

— Вырву ему сердце!

Похоже, эта идея не давала Охотнику покоя.

— Да, — согласилась я, невольно покосившись на мускулистые руки с длинными крепкими пальцами и почему-то ни секунды не сомневаясь, что они на такое способны. Но немного лукавила, потому что собиралась не убить принца, а усыпить его навеки с помощью каких-нибудь сверхмощных чар. Кто знает, вдруг обычная смерть его не возьмёт? Оказывается, ни в чём нельзя быть уверенной, даже имея дело с горкой пепла.

— Твоя взяла, ведьма.

— Вот и отлично!

Наш с Касинелем своеобразный договор скрепило урчание в его желудке. Мой жалобно к

нему присоединился, брэнча пустотой. Завтрак давно переварился, а обед и ужин я пропустила.

— У тебя ещё остались те дивные блины? — спросил Охотник с томной хрипотцой в голосе.

— Нет, но дома найдётся чем перекусить.

Его взор мечтательно затуманился.

— Их вкус — первое, что я помню по пробуждении. Сама пекла?

Что может быть проще, чем, глядя в восхищённые глаза красивого полуголого мужчины, признаться: «Нет, что ты, от моей стряпни парня тошнило в кустах, а через неделю он бросил меня ради девушки с ногами от ушей и папой-мэром».

— Конечно! — вдруг брякнула я. — Вообще обожаю готовить. Да для меня это просто раз плюнуть!

И порозовела от удовольствия, когда он окинул меня многообещающим взглядом. Он уже как-то по-другому смотрел, не так отстранённо-изучающе, как вначале.

— Ещё пригостишь?

— Что?! А, да, разумеется... если время останется. Стряпня ведь дело такое, сам понимаешь, нужен особый настрой, подходящий момент, вдохновение, а у нас проблем по горло из-за принца. — И поскорее переменяла тему: — Что ещё ты помнишь из первых минут пробуждения? Как вообще это было?

Спросила и устыдилась своего жадного любопытства. Что, если ему неприятно или даже страшно вспоминать подробности? Но Касинель не смутился и не посоветовал держать нос в рамках приличий.

Просто снова ушёл в себя, напрягая память. Лицо сделалось пустым, как и тон:

— Помню, меня словно бы погладили по волосам, — он машинально воспроизвёл жест, проведя ладонью по шевелюре, — и знакомый голос позвал по имени. Тогда мир перестал быть чем-то далёким, вновь обрёл цвет, запах и вкус. Я повязал свою ленту и окончательно проснулся уже на дороге, видя тебя впереди.

— Ты хотел сказать — повязал «чью-то» ленту? Увидел и надел.

— Нет, она моя, — возразил он с убеждённостью, с какой говорил о намерениях в отношении Варлога.

— Как ты можешь помнить ленту, но при этом забыть собственное имя?

Плечи напряглись, а челюсти крепко сомкнулись. Вот теперь ему точно стало неудобно.

— Сие мне неведомо, только она определённо принадлежит мне, — скупое ответил Охотник.

— А чей знакомый голос ты слышал?

И снова то же мучение во взоре.

— Не помню, — выдохнул он.

Мне стало искренне его жаль. Память Касинеля представляла сейчас причудливое решето со слишком большими дырами. Кто-то заложил в него яростное стремление покончить с Варлогом, но при том наградил лишь самыми необходимыми знаниями о принце и стёр всё, что составляло личность самого Охотника, как будто нарочно — чтобы ничто не отвлекало это совершенное орудие от цели, ради которой его и вернули в бранный мир. Одна лишь лента случайно просочилась... Или не случайно? Ведь она служила закладкой в дневнике, и она же помогла открыть сундучок.

— Почти пришли, — объявила я, указав на контуры городских ворот впереди.

Получается, всё произошедшее никакая не случайность, а блестящая многоходовая партия. Некая Имельда, жившая во времена принца, знала, что однажды он по чьей-то вине проснётся и первым делом пожелает заполучить её Кольцо. Поэтому она уничтожила упоминания о себе, спрятала украшение в надёжном месте и оставила след в виде тетради и карты, чтобы тот, кто попытается найти реликвию, оживил Охотника, чья единственная цель — убить принца и тем самым защитить Кольцо. Причём провернула операцию наверняка с помощью той ведьмы из легенды, учитывая лояльное, если не сказать — почтительное отношение Касинеля к представительницам нашей профессии. Или же она и была той ведьмой... Ещё это означает, что Имельда знала Касинеля, и он её, скорее всего, тоже, просто забыл в числе прочего. Так или иначе, всё сводится к Кольцу.

От него мысли перепрыгнули к дневнику, покоящемуся на дне моей котомки. Дома нужно будет проявить его целиком и тщательнейшим образом изучить. Возможно, удастся обнаружить новую зацепку.

— Стой. — Я удержала Касинеля, собравшегося ударить колотушкой в ворота. — Лучше в обход.

Вообще-то ворота у нас остались чисто номинально, как часть средневековых оборонительных укреплений. Стена, опоясывавшая некогда Мистиктаун, сохранилась лишь фрагментарно, а двери в город оставались открытыми весь день и лишь на ночь исправно закрывались по инициативе господина Капелюша. Он же назначил себя привратником и соорудил при них сторожку, а жил в коттедже неподалёку.

Если к городу подъезжал незнакомый транспорт, что, надо сказать, случалось реже, чем дожди в пустыне, он затворял ворота, интересовался личностью и целью гостей и лишь потом торжественно отворял их. Приезжие в основном были из числа фриков, которые тащатся от глубинки и мелких скучных городков, или же любители истории, желающие взглянуть на развалины башни, могилу принца и кромлех — что-то вроде местного Стоунхенджа, но, конечно, поскромнее. Иными словами, до недавнего времени у большинства жителей страны не возникало желания не то что захватить и уничтожить Мистиктаун, но даже просто его посетить. Исключение составляла ежегодная ярмарка накануне бала и, собственно, сам Осенний бал, на который съезжалась вся округа.

Я провела Касинеля и Феникса козьими тропами в сад, примыкавший сзади к нашему коттеджу, и, стараясь не производить шума, принесла из сарая верёвку, которой мы привязали коня к яблоне. Густая листва, не пропускавшая лунный свет, снова сделала его невидимым.

— Вот там растёт морковка, можешь нарвать и покормить его. А это, — я ткнула в тёмный прямоугольник на втором этаже, — моя комната. Сейчас зайду домой через центральную калитку и, если всё в порядке, открою окно. Тогда можешь залезать. Только сперва убедись, что поблизости нет никого из соседей.

— Старая ведьма столь строга? — уточнил Касинель, скармливая Фениксу только что сорванное яблоко, и похлопал по невидимой морде. Плод уменьшался прямо на глазах, лишаясь боков под укусами незримых зубов.

Мне даже стало обидно за бабушку.

— Никакая она не ве... в смысле да, сейчас не лучший момент для знакомства с ней и объяснений. И не лучший вид. — Я выразительно посмотрела на единственную деталь одежды Охотника.

— Ах да, твоя куртка... — Он потянулся к бёдрам.

— Нет! — спешно вскинула ладонь я. — Потом отдашь, когда подберём тебе что-нибудь более подходящее.

Пальцы послушно отпустили ткань.

— Тогда я жду знака, Виски.

Кивнув, я уже собралась идти, но помедлила:

— На всякий случай: не волнуйся, если услышишь крики, звон разбитой посуды, угрозы расправы или что-нибудь в таком духе.

Не дожидаясь ответа, я поспешила к главному входу, держась тени. Вслед раздалось тихое ржание Феникса, как пожелание удачи.

Калиткой хлопнула как можно громче, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, откуда я пришла. К моему удивлению, в гостиной на первом этаже горел свет и слышались голоса. На фоне задёрнутых занавесок чётко прорисовывался перманент Флорис Кранах и сухопарый профиль Цирцеи Хук. А визгливый лай мог принадлежать только Пикси — значит, и Друзила Гримсен тоже здесь. Совет в почти полном составе, только мэра не хватает.

Я поднялась на крыльцо, невольно улавливая приглушённые отрывки разговора из приоткрытой форточки.

— И когда приедет?

— Говорят, в конце недели. А до тех пор продолжатся поиски отрядами.

— Это недопустимо! Мы обязаны найти его раньше инспектора!

— Да ты нам просто новый мир открыла, Цирцея!

— Как новость-то дошла до столичной полиции? Суперинтендант ведь божился, что всё своими силами.

— Наверное, та кладбищенская проверка капнула.

— Нечего было кричать «Маньяк!» на каждом углу!

— Тебя не спросили.

— Уже два дня, и всё без толку. Не думала, что это когда-нибудь случится... Понимаю, для чего мы... Но не думала.

— Никто не думал и не был к такому готов, Фло, — похлопывание по плечу. — Мэр созывает завтра внеочередное заседание.

Когда я вошла, голоса стихли.

— Виски, это ты? — позвала бабуля после паузы, но не грозно, а устало и чуть... встревоженно.

Непохоже, чтобы она собиралась вылететь сейчас на метле и покарать меня за нарушение раз и навсегда заведённого порядка.

— Да, бабуль, я вернулась. Прости, что задержалась, была у Нетты и забыла про время.

Оставалось надеяться, что подруга, разыскивая меня, не звонила на домашний.

— Хорошо, рыжик. У тебя всё в порядке?

— Всё отлично, ба. Только очень устала, поэтому сразу поднимусь к себе, если не возражаешь.

— Конечно иди, я загляну перед сном.

Поставив в уме зарубку напротив этого предупреждения, я завернула на кухню, прихватила из холодильника закрытую сковородку с равиоли (чистые, проверила), пластиковую бутылку сока и поспешила вверх, обдумывая про себя услышанное. Похоже, Совет не на шутку взбудоражен пропажей Варлога, но их можно понять: символ города как-никак. Даже госпожа Гримсен пришла, которая никогда не переступает порог нашего дома из-за какой-то давней ссоры с бабушкой, случившейся ещё до моего рождения. Но на последней ступени эти мысли вылетели из головы, вытесненные моими собственными проблемами.

Закрыв дверь, я прислушалась к голосам внизу, но то ли соседки теперь молча жевали кексы, то ли перешли на совсем не различимый шёпот, только с первого этажа не доносилось ни звука. Выждав для верности ещё пару минут, я подошла к окну и подняла раму.

От кромки сада к дому метнулась тень и ненадолго пропала из виду. Скрипнули перила веранды, ухнули столбики, и на крышу на фоне неба приземлился в эффектном кульбите силуэт. Черепица жалобно вздрогнула, но выдержала. Довольно пологий скат примыкал

прямо к окну. Я попятилась, пропуская Охотника, быстро опустила раму, задёрнула занавески и нащупала кнопку ночника. Облако из «ИКЕА» озарило комнату мягким светом.

Касинель, стоя на лоскутном коврикe в центре, повернулся кругом. В тот же миг я увидела своё жилище чужими глазами: нелепые тапочки из конопли, подаренные родителями незадолго до того, как сами они пропали в урагане, зацелованный до дыр постер кинозвезды, цветной бюстгальтер на спинке стула, крошки от чипсов на покрывале...

Я заметалась, собирая разбросанные вещи.

— Извини, у меня слегка не прибрано, не ожидала сегодня гостей.

Касинель с интересом переходил от одной вещи к другой, внимательно рассматривая каждую мелочь, впитывая информацию.

— А это кто?

Он вертел фотографию с Арием: огромный моток розовой сахарной ваты — как сейчас помню её клубничный вкус — и наши липкие улыбающиеся лица по бокам с по-дурацки разинутыми ртами, позирующие на телефон, который я держала в вытянутой руке. Сердце сжалось.

— Так, никто. Мимо проходил и попал в кадр.

— Он ещё и твою еду ел, — осуждающе заметил Охотник и поскрёб ногтем гладкое покрытие. — Удивительно точная миниатюра.

Я вырвала у него рамку, кинула в коробку, куда только что побросала всё лишнее, и толкнула её ногой под кровать.

— У нас все такие. Давно собиралась от неё избавиться, но руки не доходили. Теперь давай подумаем, во что тебя одеть. А пока я ищу, воткни, пожалуйста, телефон вон в те две дырочки. — Я протянула ему сотовый с подключённым зарядником, указав на розетку, а сама раскинула мозгами.

По итогам размышлений пришлось лезть обратно под кровать за коробкой. Завтра попрошу Чезаре принести что-нибудь из его гардероба, а сегодня придётся обойтись своими силами. Я извлекла со дна новую футболку с коротким рукавом, которую собиралась подарить Арию на трёхмесячную годовщину наших отношений, и встряхнула. Купила пустую и сама нанесла принт акриловыми красками: просвеченная, как рентгеном, грудная клетка, а в ней — сердце, которое держит в руках табличку с надписью «занято».

— Вот, попробуй, должна налезть.

Арий трижды в неделю посещает качалку, но Касинель от природы наделён более выдающимися пропорциями, вдобавок на голову выше. Он поблагодарил и принялся бороться с горловиной.

— Дай помогу.

Звук треснувшей под напором мышц ткани доставил мне злорадное удовольствие.

— Прости...

— Ничего страшного, её я тоже давно собиралась выбросить.

Вниз одолжила старые дедушкины шорты, которые носила дома в дни Великой Стирки. Куртка наконец обрела свободу и повесилась в шкафу.

Фосфоресцирующая стрелка будильника на тумбочке задрезжала, раскачивая пружину, щёлкнула и переместилась на двенадцать. Каждый день такое светопреставление — можно подумать, сейчас в комнату въедет Золушка в тыкве.

Неужели уже полночь?

Хорошо, что завтра выходной. Плохо, что у соседа газонокосилка. Я очистила

журнальный столик от всего лишнего, подкатила к кровати, водрузила на него наш поздний ужин и сняла крышку со сковородки. Даже в холодном виде равиоли оказались восхитительными, что подтверждалось благодарным урчанием, почмокиваниями и отрывистыми восклицаниями моего сотрапезника, а также скоростью, с которой они исчезали.

— М-м, ты и впрямь кудесница.

Вилка в моей руке замерла — про равиоли речи не шло, тут уж он сам додумал... Я вздохнула и сунула её в рот.

— Когда мы поведаем госпоже Финварра о Сыне Шакала? Завтра? — Касинель наколол и заглотил сразу пять квадратиков с волнистыми краями и шумно запил соком.

— Нет! Я решила, что мы не станем ей ничего говорить. С этой мелочью справлюсь сама.

Меня окинули сомневающимся взглядом.

— Сын Шакала опаснее, чем тебе мнится.

— Справлюсь, — упрямо повторила я. — Иначе она никогда не будет воспринимать меня всерьёз и до конца жизни станет попрекать тем, что я натвори... тем, что случилось.

Да и чем бабуля поможет против метающего молнии Варлога? Пирогам закидает?

— Лучше скажи, почему ты называешь его Сыном Шакала? Откуда такое прозвище?

— Точно больше не будешь? — Я помотала головой, и Касинель подгрёб к себе сковородку. — Один его далёкий предок, очнувшись раненым на поле после битвы, обчистил павших товарищей по оружию, — вилка воровато пробежалась между макаронинами, выцепляя кусочки сыра, — а после добил своего военачальника, вырезал у него печень и съел. — Рассказчик театрально пронзил последнюю равиолину и отправил себе в рот.

— Фу! Гадость! Зачем он это сделал?!

— Чтобы забрать силу и мужество. И для ускорения заживления ран.

— Регенерация... — прошептала я.

Печень — орган, способный восстанавливать первоначальный размер даже из оставшейся четверти, как мне теперь известно после заваленной лабораторной по биологии. Неужели предок Варлога надеялся распространить это свойство на весь организм?

— Он провернул мародёрство и ритуал ещё не раз, прежде чем его пленили и выжгли на шее знак в виде сего паскудного зверя, чьим повадкам он вторил. Но даже тогда он не повинился в грехах, заявив, что теперь неуязвим для любого оружия и потому бессмертен.

— Он правда стал бессмертным?

Касинель пожал плечами:

— Он скончался, подавившись вишнёвой косточкой. Однако с тех пор шакала в их роду взяли за гербовый знак, и отцы сами клеймят прошедших обряд сыновей, — Касинель подался вперёд и легко дотронулся подушечкой пальца пониже моего уха, — вот здесь.

Прикосновение неожиданно обожгло, как только что поставленное клеймо.

— Вот уж точно талант извлекать пользу даже из невыгодной ситуации, — пробормотала я, неловко потирая шею.

Охотник снова отодвинулся и невозмутимо закончил:

— Они веруют, что при инициации юношам передаётся не только веками накапливаемая способность быстро исцеляться от ран, но и родовая сила, а также частичка души зверя заодно с его хитростью, наглостью и злобой, после чего те теряют последние крохи человечности.

Теперь всё ясно с белочкой: у принца генетическая предрасположенность к сыроедению. Но вспомнить, имелось ли на шее клеймо, не удалось.

— А Варлог... уже съел, гм, я имею в виду: он прошёл инициацию?

— Сие мне неизвестно, — нехотя признал Касинель, вновь хмурясь в тщетной попытке доискаться ответа в памяти. — Теперь твой черёд рассказать всё, что знаешь о нём.

— Вообще-то знаю я не так чтобы много, — я дотянулась до сумки, извлекла дневник и положила ему на колени, — но надеюсь найти часть ответов здесь. Скажи, ты понимаешь, что тут написано?

Не случайно ведь тетрадь привела к нему. Касинель погладил кожаную обложку, задумчиво обвёл пальцем букву «И» и открыл.

Пока он листал проявленные страницы, я не дышала. Наконец не выдержала:

— Ну как?

— Это шифр.

Сердце упало.

— То есть ты его...

— Понимаю.

— Что?! Хочешь сказать, что можешь прочесть? — не поверила я своим ушам.

— Вполне. Здесь, к примеру, — большой палец прошёлся по строчке в середине страницы, — приведены благоприятные фазы луны для посадки сладкого лука. А вот тут заговор, чтобы унять боль от укуса.

— Вот так удача! Но откуда ты знаешь шифр?

Охотник лишь вздохнул.

— Ладно, позже мы обязательно разберёмся с пробелами в твоём прошлом. Раз здесь есть заговоры против укусов, наверняка есть что-то и для восстановления и укрепления памяти.

— Ты и впрямь так думаешь? — воспрянул он.

— Конечно! Похоже, у нас в руках настоящий кладёз ведьмовской информации. Что там ещё сказано?

Я нетерпеливо придвинулась, не замечая, что тесно прижимаюсь к нему плечом.

Мы чиркали спичкой, проявляя страницы, и повеселевший после моих слов Касинель читал вслух про способы определить худые намерения у попросившегося на ночлег путника, про врачевание различных недугов, про подкормку роз и пользу от появления дома сверчка — его пение отгоняет злых фей. Иногда это были отвлечённые размышления женщины, её планы на предстоящей день, а то и просто рисунки со сценками из повседневной жизни.

В общем, перед нами был самый настоящий дневник, столь же подробный, сколь сумбурный. Правда, раньше я не встречала зашифрованных дневников, написанных невидимыми чернилами, но кто знает повадки и умения ведьм прошлого? Вдруг им не нужна была проявка теплом, чтобы увидеть текст? Будь у меня побольше времени, с удовольствием изучила бы полезное и увлекательное содержимое тщательнее, но сейчас на первом месте стояла другая задача, поэтому я подтолкнула локтем Касинеля, зависшего над способами извлечения наконечников стрел.

— А про Кольцо что-то есть?

Мы пролистали около трети, но он ни разу не упомянул его, бегло просматривая страницы и в паре слов пересказывая содержимое каждой.

Охотник просканировал взглядом следующий разворот и потянулся перевернуть

страницу.

— Пока нет.

Внезапно лестница исполнила предупреждающую симфонию скрипов. Бабушка! Значит, гости уже ушли, да и пора бы. Одной рукой я вырвала у Охотника дневник и засунула под подушку, а второй погасила икеевский светильник.

— Скорее под кровать! Нет, там коробка, лучше сюда! — Подбежав к окну, я рванула наверх раму и шёпотом dokonчила, вталкивая Каса в проём: — Там слева удобный уступ.

Едва успела задёрнуть занавески, как в дверь тихо постучали.

— Виски, ты спишь?

Я выдержала паузу, чтобы унять дыхание, и ответила, имитируя сонный голос:

— Да, бабуль, ты что-то хотела? Это может подождать до завтра?

Недолгое колебание.

— Нет, ничего важного, отдыхай, рыжик.

Подождав, пока шаги удалятся и в конце коридора хлопнет дверь, я повернулась к окну и выпустила Охотника обратно. Да-да, знаю, не самое зрелое поведение, но лучше так, чем крики и объяснения посреди ночи.

Мы возобновили прерванное занятие, однако вскоре буквы поплыли у меня перед глазами, а строчки начали заплетаться в косички. Толком ведь не спала двое суток. Охотник внимательно рассматривал набросок замка: с ещё целыми стенами, какими-то дворовыми постройками и лохматым одноухим псом.

— Больше не могу, — зевнула я. — Сейчас лягу и заведу будильник на пораньше.

— Я продолжу, пока не кончатся. — Касинель, не отрывая глаз от страницы, указал на похудевшую щепотку спичек в коробке.

— Ага. — Я постелила ему на полу одеяло, кинула вторую подушку и уже в полудрёме протянула руку и провела кончиками пальцев по лицу от лба до губ. — Снов без сов.

И аж проснулась от смущения, осознав, что повторила жест, которым желала Арию доброй ночи. Отдёрнула было руку, но Касинель перехватил её и требовательно сжал:

— Почему ты так сказала? Именно эти слова?

— Не знаю, — я нервно высвободила пальцы, слегка подивившись его столь бурной реакции, — просто дурацкая семейная присказка на ночь.

— Без сов... — повторил Касинель, — что-то такое знакомое...

Во избежание дальнейших расспросов я поскорее забралась в постель и перевернулась на другой бок. Хорошо, что мысли слипались от усталости, иначе бы точно полночи ворочалась, вспоминая неловкую ситуацию и теплоту губ под пальцами.

Но покоя мне не было и во сне. В нём я гонялась вокруг башни за одноухим псом и пыталась отнять у него кольцо в виде соски — одно из тех, что продают в отделах со сладостями: пластиковый ободок и огромный леденцовый изумруд со вкусом дюшеса. А птицы с янтарными глазами галдели и подбадривали меня. Мимолётно проснувшись, я увидела смятое одеяло на полу и пустую комнату, но, не в силах сопротивляться зову сновидений, снова провалилась в их объятия. Как ни странно, всё продолжилось с прерванного момента. Пёс внезапно прекратил беготню, поднялся на задние лапы и двинулся мне навстречу, на ходу превратившись в Варлога. Дыхание перехватило — такой он был красивый в своём сказочном костюме с плащом и шпагой на боку. Глаза сияли чёрными бриллиантами, с каждым шагом принца заполняя мой мир, пока не заслонили его целиком.

Отвернуться, бежать! Но тело не повиновалось, поэтому я только зажмурилась, а в

следующий миг губы обжѐг знакомый поцелуй со вкусом леса, горячей стали, пшеницы и дыма. Я тонула и терялась в нём, утаскиваемая в сладкую бездну. Птицы внезапно поднялись в воздух, превратились в одинаковых воронов в кольчугах и закружили над нашими головами так быстро, что образовали блестящее кольцо.

В ушах раздавался треск их костяных крыльев, а упоительный поцелуй высасывал волю, не позволяя пошевелиться. Он прервался, как и в прошлый раз, внезапно, оставив внутри ощущение пустоты и жажду добавки.

— Благодарствую, ведьма, — прошелестели над ухом, и вороны со стуком упали на землю.

Я распахнула глаза в тот самый миг, когда Морок вылетал в окно с дневником Имельды в когтях.

— Нет! Касинель, тетрадь!

Выпрыгнув из кровати, я вцепилась в другой конец дневника. Схватка с инфернальным вороном вышла жаркой, но короткой. Охотник очутился рядом как раз вовремя, чтобы предотвратить моё выпадение из окна.

Мы оба рухнули на пол — вернее, он на пол, а я на него, — прижимая к груди то небольшое, что удалось спасти. Оставалось только бессильно наблюдать, как Морок исчезает в лиловом предрассветном небе, энергично работая крыльями и злорадно каркая. Клюв у него изредка заедал. Я поднялась, неверяще перебирая жидкую стопку из трёх-четырёх листов.

— Как это могло произойти? Откуда принц узнал про дневник? — Я хлопнула себя по лбу. — Вот шляпа! Наверное, он всё это время следил за мной через Морока!

Касинель поднялся, растирая плечо, в которое пришѐлся укол моего локтя, и яростно ударил кулаком в стену:

— Повинен в том лишь я один, ведьма!

Что-то в его тоскливом взгляде вкупе с воспоминанием о пустом одеяле на полу и о том, как внимательно он рассматривал рисунок замка, заставило меня подозрительно прищуриться:

— Ты ведь ездил туда, да? Несмотря на моё предостережение и наш договор, решил-таки проверить башню?

Он сокрушѐнно кивнул.

— В твоей власти наказать меня, ведьма.

Я представила, как Варлог прятался в стене и потешался, наблюдая за Касинелем, бродящим по развалинам в футболке с рентгеном грудной клетки и старых дедушкиных шортах. А потом пробрался в мой сон, чтобы помочь Мороку украсть дневник и... поцеловать меня. Пальцы невольно коснулись губ, ещё хранивших ощущения, от которых по телу порхали тёплые бабочки. Хотя чувствовала я себя весьма уставшей. Будто и не спала вовсе.

— Что с тобой? — вмешался в лиричные воспоминания Касинель. — У тебя щѐки красные и рот распух.

После его слов лицо запылало с удвоенной силой.

— У меня часто губы во сне... пухнут. Реакция такая на сон. И на всё остальное. Добро пожаловать в двадцать первый век: краситель на консерванте сидит и улучшителем погоняет, плюс стрессы, глобализация, плохая экология, а результат — на губах.

Я правда не знала, как объяснить произошедшее. Ведь принца в комнате не было, он

послал за дневником своего приспешника-ворона, но воспоминания казались такими яркими и... *настоящими!* Может, это нечто вроде поцелуя на расстоянии? Какое-то колдовство. Общаются же теперь люди, живущие за много миль друг от друга, через скайп. В Средние века его ещё не было, приходилось по-другому выкручиваться, вот и придумали колдовские поцелуи. Зачем Сыну Шакала целовать меня после угроз о расправе, оставалось неясным. Но так приятно-неясным... Я тут же встряхнула себя. Не время млеть от ласки злодея с таким беспорядочным питанием!

[Купить полную версию книги](#)

notes

Культовый актёр, молодёжный секс-символ 1950-х.

Никто не умрёт девственником, жизнь поймёт всех (с) К. Кобейн (*пер. с англ.*).